ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 76 (2459) Среда, 22 сентября 1948 г. Цена 40 коп.

Героическая советская молодежь

Под громы победного салюта со всех фронтов возвращалась молодежь в солдатских шинелях к станкам, доменным печам, на стройки, на колхозные поля. Она вернулась к мирному труду, к величественным созидательным планам. Партия дала ей, как и всему советскому народу, овеянный всепобеждающей надеждой маршрут — сталинскую пятилетку в четыре года.

Уже к 1 сентября только на предприятиях Москвы более 100 тысяч молодых тружеников выполнили личные годовые задания, свыше 12 тысяч — пятилетние.

Во втором полугодии молодежь столицы выпустила сверх плана продукции на 500 миллионов рублей. За первое полугодие сэкономлено материалов и инструментов на 75 миллионов рублей, 15 миллионов киловатт-часов электроэнергии, 20 тысяч тонн топлива. На склады ленинградского завода «Светлана» уже поступила продукция в счет 50 тысяч ламп, которые обязались изготовить молодые рабочие сверх планового задания. С донбасской шахты № 17—17-бис ушел первый эшелон угля, сверх плана добытый горняцкой молодежью. Повсюду юноши и девушки развернули борьбу за повышение сверхплановых накоплений. Всюду восстанавливаются и строятся новые фабрики, заводы, электростанции. Наша творческая, влюбленная в труд, молодежь вносит тысячи рационализаторских предложений, улучшающих процесс производства.

Это цифры, это факты. Их бесчисленное множество. И если на эти цифры и факты посмотреть глазами художника, то за сухой бухгалтерской отчетностью встанет облик молодого героя, гордо и уверенно несущего знамя, на котором золотом горят слова клятвы, данной партии большевиков тридцать лет назад, знамя, на котором сияют три правительственных награды.

Вот он, герой нашего времени, не жалевший жизни в годину грозной военной опасности. Вот он, герой нашего времени,— молодой конструктор, бригадир, рабочий и инженер, который упорно овладевает наукой, техникой, экономикой производства. Он несет свои знания в стахановскую бригаду, в цех, на колхозное поле. У него ясная цель, он зримо ощущает свое завтра и во имя этого завтра сегодня трудится, не покладая рук. Он изобретает, рационализирует, воедино собирает по крупице все, что помогает повысить производительность труда, увеличить выпуск продукции, сэкономить время, средства, материалы. Он неутомим в этом движении. Он непоколебим в достижении своей цели.

Мы любим этого героя. Но любовь требует не декларативных признаний, а настоящих, глубоких ответных чувств. Вот почему каждый писатель, создавая произведения о наших днях, не может пройти мимо молодого человека, воплощающего в себе лучшие качества советских людей. С каким истинным волнением читаются страницы выдающегося романа нынешнего года В. Ажаева «Далеко от Москвы», рисующие героический труд советских людей. С первых же встреч с инженером Ковшовым, связисткой Таней Васильченко читатель проникается к ним глубоким уважением и любовью. Десятки молодых рабочих — героев книги В. Ажаева станут настоящими друзьями тех, кто изо дня в день трудится над досрочным выполнением сталинской пятилетки.

Молодой советский человек ждет от писателей вдохновенного слова, помогающего ему разбираться в тех сложных явлениях, которые встречает он на своем пути. Слово писателя, если оно правдивое и идет от самого сердца, способно ускорить процесс формирования молодого строителя коммунизма. Писатели должны создать для юношества вдохновляющий образ, за которым пошла бы молодежь на бой и труд. Этот образ не нужно придумывать, он всегда рядом с нами. Он ждет своего художника. И пусть предстоящий 30-летний юбилей славного комсомола, который явится праздником всего советского народа, напомнит об этом долге писателей перед молодежью. Ей, молодежи, принадлежит будущее. А создавать произведения во имя будущего — поистине великое счастье для писателя.

«Я не знаю случаев,—говорил товарищ Сталин о комсомоле, — когда бы он отставал у нас от событий нашей революционной жизни». На первом с'езде Российского коммунистического союза молодежи, созванном по инициативе Ленина и Сталина, революционное юношество торжественно поклялось быть верной и непоколебимой опорой партии большевиков в борьбе за идеалы коммунизма. Эту клятву, как непобедимое знамя, комсомольцы пронесли сквозь все бури и невзгоды, выпавшие на их славном тридцатилетнем пути. «И те из нас, которые тогда были на фронте, помнят, какую громадную, я бы сказал, исключительную роль сыграл тогда комсомол. Надо, товарищи, прямо сказать, что мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни, и то иной раз «с завистью» смотрели на героев, которых давал тогда комсомол» (С. Киров).

Еще многие поколения будут обращать свои благодарные взоры к героям гражданской войны, и образ Павла Корчагина, воплотивший в себе лучшие черты молодежи первых лет революции, будет вдохновлять миллионы пылких сердец на подвиги в борьбе за построение коммунистического общества.

На всех стройках первых сталинских пятилеток юноши и девушки составляли передовые ударные бригады строителей. На Днепре и на Амуре, в Казахстане и в Сибири, на Урале и Украине, в степных просторах и таежной глухомани комсомольцы и молодежь по призыву партии в первых шеренгах рабочего класса восстанавливали народное хозяйство, строили гиганты индустрии, совхозы, машинно-тракторные станции, колхозы, преобразовывали облик земли, создавали социалистическую экономику нашего государства. Юноши и девушки шли в жизнь уверенной поступью.

Это были Корчагины строительных будней, это было славное племя созидателей, воспринявшее приказ Родины — строить, как некогда восприняли их старшие братья приказ — отстоять завоевания Октября!

Величайшие испытания выпали на долю комсомольцев и всей молодежи в дни Великой Отечественной войны. Бесстрашие, упорство, непреодолимая воля к победе, ненависть к врагам, высокое воинское мастерство, безграничная любовь к Родине, великому Сталину — вот суть богатырских подвигов Николая Гастелло и Зои Космодемьянской, Олега Кошевого и Виктора Талалихина, Александра Матросова и Наташи Ковшовой, Юрия Смирнова и Александра Чекалина. Их тысячи, десятки и сотни тысяч, их миллионы, славных юношей и девушек, героически сражавшихся на фронтах и самоотверженно трудившихся в тылу. Вместе со всем народом они доказали силу и могущество социалистического государственного строя, великую мощь нашей экономики, непобедимость Советской Армии, они отстояли наше Отечество от нашествия германского фашизма, от происков империалистической Японии.

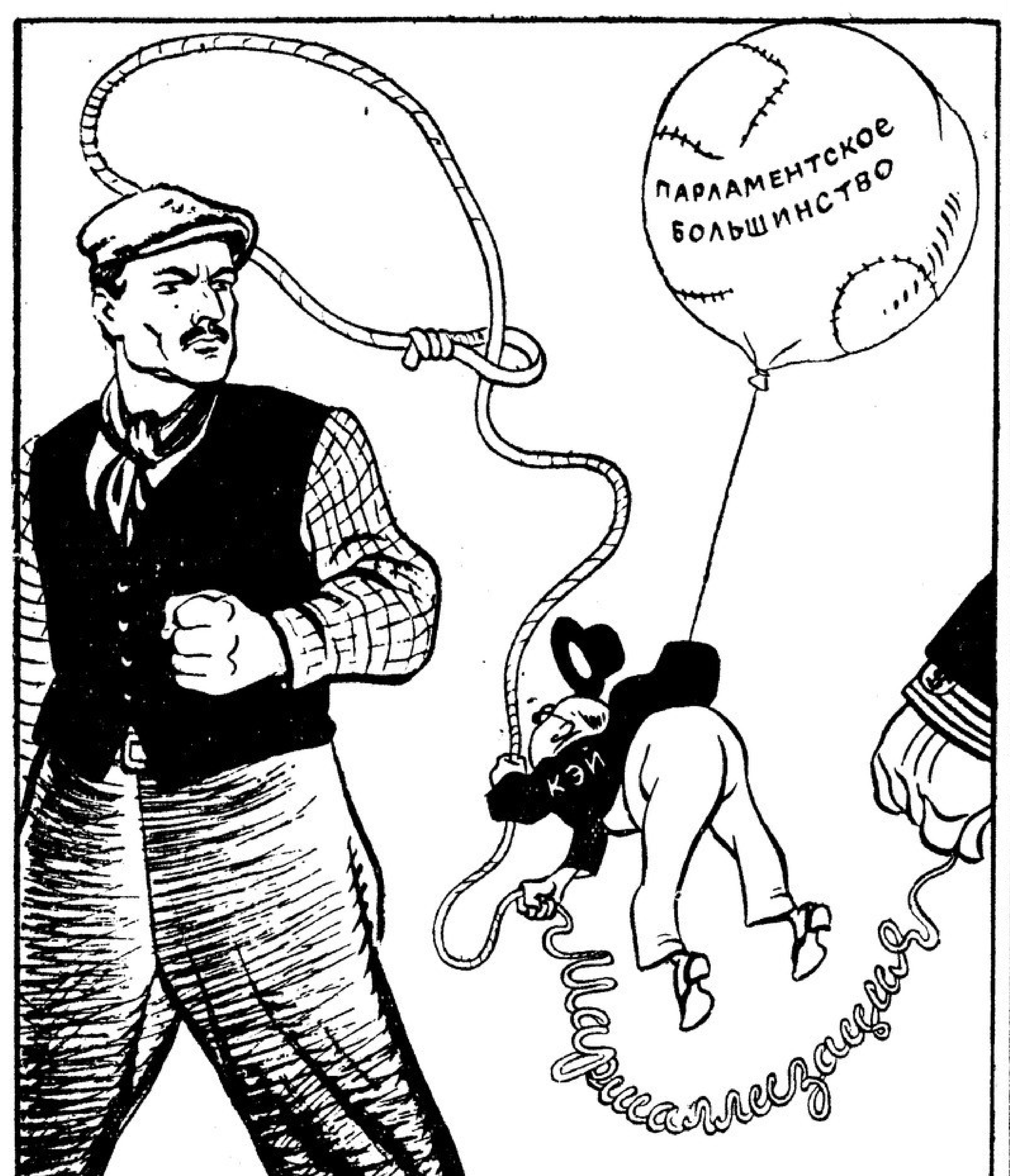
С каким благоговением будут произносить их имена в веках, с какой благодарностью будут вспоминать о них люди, во имя счастья которых было отдано столько сил и жизней. Гранит и мрамор, легенды и сказания, стихи и песни должны сохранить для поколений бессмертные образы корчагинцев этих неповторимых дней.

Легендарные подвиги юношей и девушек вдохновили лучших советских писателей. Они создали произведения, полные сердечной любви к юношеству, воспитанному партией Ленина—Сталина. Роман А. Фадеева «Молодая гвардия» стал одной из любимых книг миллионов юношей и девушек, а герои книги — самыми близкими и дорогими друзьями.

В песнях, рассказах, поэмах и романах лучшие страницы посвящены молодежи, на деле доказавшей право называться могучим сталинским племенем.

Французский премьер-министр Кэй заявил в парламенте, что нужно увеличить налоги, чтобы спасти денежную систему.

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Бюджет Анри Кэя

НАРОД—ХОЗЯИН ЗЕМЛИ

Рассказ об Узбекском море

Борис БРОДСКИЙ

В Средней Азии бродит старая народная легенда о вечном скитальце, мудром дервише Кидца, человеке, не имевшем возраста. Рассказывают, что в незапамятные времена Кидца, проходя по улицам весьма богатого и многолюдного города, обратился к прохожему с вопросом, когда и при каких обстоятельствах основан город?

— Это очень древний город, — отвечал горожанин. — Должно быть, он стоит с тех пор, как живут люди на земле.

Через пятьсот лет Кидца в своих странствиях снова посетил это место. Он не нашел и следа поселения, кругом была степь. Обратившись к пастуху, он спросил, кем и когда разрушен стоявший здесь город.

— Никакого города не было, — сказал ему удивленный пастух. — Здесь всегда была степь.

Прошло еще полтысячи лет, и странник снова оказался в том же месте. Теперь вместо зеленой степи синело море, рыбаки снаряжали лодки на берегу.

— Давно ли пришло сюда море?—спросил Кидца.

— Море не ходит, — рассмеялись рыбаки. — Море было здесь всегда...

Этот рассказ о краткости человеческой жизни и человеческой памяти по сравнению с медленным движением природы вспомнился мне на берегу Катта-Курганского водохранилища, прозванного народом Узбекским морем. Здесь у костра собралась группа колхозников, только что приехавших на стройку. Мальчик лет пятнадцати, прибывший с группой, смотрел на сумеречную гладь воды широко открытыми глазами. Один из колхозников положил руку ему на плечо.

— Что, сынок, тебе еще не приходилось видеть столько воды сразу?

— Нет, ака-джан, никогда... — тихо ответил мальчик. — Это очень красиво.

— Я помню, как здесь было раньше,— сказал взрослый. — Вон там, где сейчас вода, стояли четыре кишлака. Они все стояли на одном арыке. Воду делили поровну, и всем нехватало.

Мальчик с изумлением взглянул на говорившего. Уж не Кидца ли был перед ним — вечный скиталец из старой легенды, видевший перемены, недоступные смертным людям. Озеро, перед которым они стояли, возникло на его глазах; и плотина, большая, как гора; и канал, который они видели из поезда, под'езжая к Катта-Кургану.

Время уплотнилось в стране социализма; одно поколение успевает увидеть то, что раньше могло быть доступно только аллегорическому дервишу.

Не так давно пейзажи Узбекистана ничем не отличались от пейзажей пограничного Афганистана. Те же методы сельского хозяйства, тот же или очень похожий быт. Но время движется с разной скоростью по ту и по эту сторону границы.

Медленный, «нормальный» ход времени до сих пор не позволил афганскому крестьянину использовать оросительную способность рек; землю он все еще ковыряет примитивным деревянным плугом — омачом; дома в Кафиристане освещают лучиной.

Дети в советских среднеазиатских республиках знают об омаче только из неумирающих пословиц.

В братском соревновании союзных республик Узбекская ССР вышла по добыче электроэнергии на третье место — непосредственно вслед за Украиной.

Механизация хлопководства в современном Узбекистане значительно выше, чем в хлопковых районах США: американцы не знают ни механической обработки хлопчатника, ни хлопкоуборочных машин.

Дальнейшее развитие народного хозяйства требует изменения естественных условий, переделки природы. Так возник знаменитый Ферганский канал имени Сталина, так возник Фархадстрой; так появилось Узбекское море.

* * *

Самарканд, Бухара — центры древней культуры, прославленные своими учеными, поэтами, зодчими. Но от древних времен до наших дней маловодье, исконный враг трудолюбивого и талантливого народа, здесь было ощутимее, чем где бы то ни было. Быстрая и неглубокая река Зеравшан питает обе области; на всем протяжении реки ее ледяную горную воду разбирают, растаскивают по бесчисленным оросительным каналам.

В отличие от русских рек, реки Средней Азии в большинстве своем уменьшаются по мере удаления от истоков. Таков и Зеравшан. Мне довелось побывать в Каракульском районе Бухарской области, на границе Туркмении. Там кончался Зеравшан: тонкая нитка воды терялась в песках, уже не имея силы оживить сухую степь.

Зеравшан значит «несущая золото». На протяжении веков шел спор между Бухарой и Самаркандом, спор из-за воды, из-за жидкого этого золота.

Более 60 процентов посевов хлопчатника по Союзу находится в Узбекистане; четверть всего сбора хлопка в республике падает на Зеравшанскую долину. Нехватка воды в реке приводила к тому, что вместо полагающихся шести поливов за лето хлопок получал три-четыре полива. Хлопководы высчитали, что из-за маловодья поля Бухары и Самарканда недодают стране ежегодно около 180 тысяч тонн хлопка-сырца.

Надо было менять естественные условия. Талантливый гидротехник инженер Цитович (ныне покойный) предложил создать водохранилище, использовав для этого громадную естественную впадину под Катта-Курганом.

У неспециалистов проект вызвал недоумение: откуда возьмется вода для заполнения гигантской чаши? Из того же Зеравшана? Но возражавшие не учитывали сезонного цикла водопользования. Заполнение водохранилища предполагалось производить осенью и зимой, когда хлопок не нуждается в поливах; с мая по август, в период созревания хлопка, озеро должно отдавать воду обратно в Зеравшан, до 700 миллионов кубометров зимней воды.

Работы начались в 1940 году. Больше 100 тысяч колхозников Самаркандской и Бухарской областей вышли на народную стройку. Одновременно строилась плотина и прокладывались каналы. На подводящем канале штурмом брались 35-метровые обрывы. Люди лепились над головами друг у друга, врубаясь кетменями в сухую землю. Тогда были выполнены работы по строительству подводящего и отводящего каналов со всеми гидротехническими сооружениями. К концу 1941 года уже удалось образовать водохранилище.

Война приостановила стройку.

В 1946 году на водохранилище снова появились инженеры. Они увидели, что их море ожило: по берегам росли камыши, из камышей взлетали утки, крупная рыба плескалась в воде. (Еще до того, как была пущена вода, ихтиологи привезли в специальный садок мальков зеркального карпа и других рыб). Озеро определяло пейзаж, оно было в нем самым заметным, самым существенным.

Потом пришли на стройку колхозники. Выход на стройку после победы над врагом был праздником для народа. Соревнование охватило звенья, бригады, участки.

Шли на стройку грузовики «ЗИС-5»; прокладывались новые километры железнодорожного пути; разгружались невиданные машины: бульдозеры, транспортеры, сделанные на ташкентских заводах, мощные экскаваторы. Всю эту технику надо было осваивать и пускать в ход.

Переломным в этом смысле был прошлый год. Это был год, когда создались кадры рабочих, овладевших новыми машинами; когда были окончательно выверены наивыгоднейшие методы использования этих машин. Тогда молодой шофер узбек Махмуд Ишмурадов делал в день по 85 рейсов при норме 26; комсомолец Андрей Скорлыгин, укатывая грунт на тракторе «С-80» с бульдозером, доводил свою дневную выработку до 1.000 процентов нормы; тогда же была окончательно побеждена пыль.

Большие земляные работы почти всегда связаны с пылью; пыль, которая поднялась над этой стройкой, превратилась в стихийное бедствие. Пыль висела над карьерами, где добывался грунт, над дорогами, по которым мчались сотни грузовиков с грунтом, над плотиной, где разгружался этот грунт и где его растаскивали, гредеровали, увлажняли и укатывали. Пыль висела, как постоянная дымовая завеса. Обработка каждого слоя уложенного грунта занимала сутки: земля требует определенного процента влажности. Были придуманы специальные увлажнители на рельсах, — остальное увлажнялось вручную, ведрами.

Всем было ясно: надо искать какую-то новую систему увлажнения и укладки грунта. Учебники и справочники ничем помочь не могли, их авторы не строили плотин такого масштаба, не имели дела с лессовой почвой Средней Азии.

Думали все: инженеры, рабочие, колхозники. Было предложено много проектов, иные не давали нужного эффекта, другие были неисполнимы. Решил задачу главный инженер Василий Федорович Шпотин.

Он придумал увлажнять землю не на плотине, а в забое, до разработки. На холмах над забоями были выкопаны водоемы. Насосы качали в них воду. Вода впитывалась в землю, спускаясь по капиллярам между частицами грунта. Работники грунтовой лаборатории указывали землекопам, откуда брать землю нужной влажности; потом кетменщики сами привыкли определять влажность.

Проблема была решена. Пыль исчезла. Сократился трудоемкий и долгий процесс увлажнения. Теперь вместо одного слоя в сутки стало возможно укатывать 3—4 слоя.

Так в процессе труда приобретался опыт, накапливался материал для будущего, еще не написанного учебника.

Кетмень — лопата, похожая на нашу мотыгу, — орудие тысячелетнего возраста. Казалось, трудно открыть в нем какие-то новые качества. Но умное сочетание работы землекопов и шоферов родило новые методы труда. Появился глубокий «гафуровский» забой, названный так по имени его создателя Мавляна Гафурова, колхозника Гиждуванского района. Раньше землю грузили на автомашины, предварительно подготовив ее, оторвав от стенки забоя. Мавлян соединил две операции в одну. Он устроил забой, в который машина входит задним ходом плотно, как нож в ножны. Землекопы располагаются над машиной, на крутых воронкообразных стенках забоя, грунт сыплется прямо в кузов со всех сторон.

Соревнуясь со своим земляком Джаббаром Шадмановым, Гафуров достиг со своим звеном неслыханной выработки—257 автомашин за смену при задании в 24 машины.

Глубокий забой быстро распространился по всей стройке, резко повысив производительность труда.

Колхозники уважают мастеров-кетменщиков; за силу их зовут палванами — богатырями. Так и Мавлян Гафуров автоматически получил прозвище Мавлян-палвана. Но ничего богатырского нет в этом колхознике: это веселый, живой человек небольшого роста, вежливый и дипломатичный. Я с удивлением узнал, что ему 58 лет: седина только намечается в его волосах.

— Раньше мы боялись машины: грузили ее, как арбу с ишаком, — говорит он. — Теперь мы стали с ней друзьями. Спасибо шоферам: работают аккуратно, как бухарские ювелиры.

Техника шла на стройку, заставляя людей применяться к себе, ломая старые нормы.

Неизвестно, кто придумал самодельные самосвалы для грузовиков. Может быть, прототипом для них послужила арба, с которой, задрав оглобли, ссыпали землю. Эти самосвалы делали во дворах автобаз из имеющихся под руками материалов; сразу же вчетверо сократилось время, потребное на разгрузку машин.

Вот как случилось, что план этого года оказался в пять с половиной раз больше плана 1946 года, хотя людей на стройке в этом году во много раз меньше. Вот как случилось, что при этом работа каждого отдельного человека стала легче и интереснее, чем прежде.

Но полезный результат работы нельзя измерить одними арифметическими показателями. Катта-курганское водохранилище — школа для гидротехников Узбекистана. Здесь создан крепкий отряд специалистов всех квалификаций, нужных для производства крупнейших гидротехнических работ.

Шамет Чикаевич Аитметов, начальник строительства, — казах из Туркестана, до 1926 года был неграмотным, батрачил у бая; потом учился на рабфаке и работал в Средазбюро Пролетстуда. В 1935 году он окончил строительный факультет Промакадемии имени Сталина, после чего пошли стройки. Он строил Хилковский цементный завод, металлозавод и другие об'екты; Узбекское море увлекло его, как только может увлечь крупное гидротехническое сооружение: здесь под его руками меняется лицо земли.

— Отсюда мы все, полным составом, пойдем на новую стройку, — говорит он.

Инженер Ораз Ташмамедов окончил Московский институт связи. Здесь он работает механизатором. А потом? Потом, конечно, на новую стройку.

Я уже упоминал о Шпотине. Есть в Средней Азии превосходные русские гидротехники. Это люди, отдавшие себя целиком переустройству суровой, но благодарной среднеазиатской земли и воспитанию национальных кадров ирригаторов. Среди этих людей можно назвать инженера Лебедева, создавшего проект Большого Ферганского канала и работавшего также над проектом Узбекского моря; к этой группе надо причислить и В. Ф. Шпотина.

Шпотин родился в Южном Казахстане; еще в 90-х годах прошлого века его родители приехали туда из Украины. (Двигались на быках, всей семьей; впереди на верблюде, разведывая дорогу, ехал дед, казак Старобельского уезда. Так дед и помер в пути, не доехал.)

Руками Василия Шпотина выстроено множество плотин, каналов, водных узлов в Узбекистане. Он говорит:

— У нас каждая стройка больше предыдущей. И всякий раз, едва окончишь работу, думаешь: не так мы строили, можно было умнее, экономнее...

Ни разу еще за свою историю человек не дерзал вносить в природу такие перемены. Это и естественно: никогда еще человек не чувствовал себя таким хозяином земли, каким он чувствует себя в нашей стране.

К 30-летию ВЛКСМ

Творческие подарки композиторов

— Советские композиторы, — сообщил сотруднику «Литературной газеты» генеральный секретарь Союза советских композиторов тов. Т. Хренников, — готовят новые творческие подарки комсомолу к его славному юбилею. Композиторы-комсомольцы — лауреаты международного фестиваля молодежи в Праге — Карэн Хачатурян и Алексей Муравлев выступят со своим творческим отчетом. К. Хачатурян написал кантату «Цвети и здравствуй, молодость!» — на слова советских поэтов и произведение для хора «Слава комсомолу». Кантату «Славься, Родина!» — на тексты народных сказителей закончил А. Муравлев. Он работает над симфонией, посвященной светлой памяти краснодонцев.

На-днях секретариат Союза советских композиторов прослушал и обсудил ряд новых песен о комсомоле. Наиболее удачными из них признаны песни А. Новикова «Комсомол» — на слова С. Михалкова, М. Фрадкина «Комсомольская слава» — на слова М. Матусовского, К. Листова «Комсомольский марш» и А. Островского «Комсомольцы» — на слова Л. Ошанина.

В ближайшие дни мы прослушаем два следующих цикла песен, а затем представим лучшие из них на суд комсомольского актива столицы.

Союз советских композиторов совместно с Свердловским райкомом ВЛКСМ в дни юбилея устроит на Пушкинской площади в Москве театрализованный праздник советской песни.

Центральный дом композиторов в честь 30-летия ВЛКСМ открывает музыкальный лекторий для молодежи столицы.

В дни юбилея в Центральном доме композиторов с творческим рапортом выступят композиторы-комсомольцы, студенты Московской консерватории, училища им. Гнесиных и других учебных заведений. Музыкальные вечера будут устроены и в молодежных общежитиях завода «Каучук».

Научные работы студентов

Студенты высших учебных заведений подготовили в этом году сотни научных работ. Советское студенчество не только овладевает знаниями, — оно обогащает отечественную науку и технику новыми открытиями, исследованиями и изобретениями.

Большая научно-исследовательская работа ведется в Московском ордена Трудового Красного Знамени высшем техническом училище имени Баумана. Созданное здесь студенческое научно-техническое общество насчитывает свыше трехсот человек. Под руководством своих преподавателей студенты выполнили за год около 50 теоретических и экспериментальных трудов.

Оригинальное и практически ценное исследование рессорного молота провел студент пятого курса А. Овчинников. Это открыло возможность выбирать режим работы молота, обеспечивающий максимальную энергию его удара.

Студент-дипломник М. Шоршоров, ныне аспирант кафедры, исследовал процессы поверхностной закалки газовым пламенем и разработал новый метод технологического процесса. Исследование студента позволяет более точно рассчитать параметры закалки и найти соответствующие данные для проектирования многопламенных горелок.

Сейчас студенческое научно-техническое общество вместе с комитетом комсомола училища готовят к печати сборник научных работ. Книга выйдет в свет к тридцатой годовщине ВЛКСМ.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Необыкновенная история одного изобретения»

Под таким заголовком в № 67 «Литературной газеты» была опубликована статья Н. Лебедева об инженере-изобретателе Л. И. Козловском, который сконструировал опытную установку для электрической сварки сеток бумажных машин. Чертежи этой установки были потеряны во время блокады.

Ознакомившись со статьей, министр лесной и бумажной промышленности СССР тов. Г. М. Орлов сообщил, что изобретение инженера Л. И. Козловского представляет большую ценность для бумажной промышленности и что тов. Козловский вызван из Ленинграда в Москву.

На-днях у министра тов. Г. М. Орлова состоялось совещание, на котором инженер Козловский доложил о принципах работы сконструированной им установки и продемонстрировал образец сваренного шва сетки для бумажной машины.

— Что практически следует сделать, чтобы организовать производство сеток?— спросил изобретателя Г. М. Орлов.

— Поскольку во время войны пропали чертежи и погибла первая опытная установка, теперь всю работу придется начинать сначала, — ответил инженер Л. И. Козловский. — Для этого необходимо создать специальное конструкторское бюро, привлечь к работе инженеров Каяндера и Шимкевича, которые в свое время были моими помощниками, и возобновить исследовательскую экспериментальную деятельность. Конструкторское бюро должно всесторонне изучить дело и найти способы сварки сеток различного сечения и разных номеров. Нужно иметь в виду, что разработанный мною метод микроэлектросварки оригинален и может быть полезен не только для бумажной, но и для других отраслей хозяйства.

Министр тов. Г. М. Орлов предложил немедленно приступить к организации специального конструкторского бюро под руководством тов. Козловского. Такое бюро создается при ленинградской конторе «Проектбуммаш», которая имеет кадры опытных конструкторов и все необходимое для работы. На Центральный научно-исследовательский институт бумаги возложено проведение необходимых экспериментальных работ. Все оборудование и средства, необходимые тов. Козловскому, будут предоставлены.

Тов. Г. М. Орлов сообщил, что по договоренности с министром здравоохранения СССР Е. И. Смирновым инженер Козловский освобожден от работы на заводе «Красногвардеец» и переведен в Министерство лесной и бумажной промышленности.

ЛЮДИ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

О романе В. Ажаева «Далеко от Москвы»

Николай АТАРОВ

1.

Молодой дальневосточный писатель Василий Ажаев рассказал в романе «Далеко от Москвы» о нашем времени, о наших людях так много интересного, что по началу хочется выделить лишь самое важное, подумать о самом главном, тем более, что главное-то вышло даже лучше, чем некоторые частности.

О чем рассказывает Василий Ажаев в трех книгах «Нового мира»? Грубо говоря,—о нефтепроводе. О том, как на Дальнем Востоке отряд строителей в первый год войны проложил на сотни километров по таежным берегам реки и по дну морского пролива на остров Тайсин очень необходимый для победы нефтепровод.

Ничего выдуманного, — разве что названия острова и реки. Река называется Адун-батюшка. Писатель много лет работал на стройках Дальнего Востока.

В его романе несколько десятков действующих лиц: инженеры, шоферы, снабженцы, сварщики, панайские рыбаки... Джек Лондон не знал таких многолюдных сюжетов. На Дальнем Западе ему не нужно было столько народа, сколько советскому писателю на Дальнем Востоке. Но это только внешняя примета романа. А главное находится где-то рядом.

Особенный секрет и, пожалуй, новаторская черта романа состоит в том, что он и написан так, как построен нефтепровод: такое же множество героев, как строителей в тайге, что ни глава — то новый участок магистрали, герои прокладывают сюжет романа, как строители трассу. И у каждого личная судьба, своя линия...

Начальник стройки Батманов — умный и властный руководитель, из тех, кого назначают туда, где многие другие не вытянут. Алеша Ковшов, инженер, едущий в тайгу с ожесточением, потому что это — в сторону от войны. Парторг Залкинд — душа таежного коллектива, глядящий далеко вперед, настоящий друг каждого строителя. Главный инженер Беридзе и Таня Васильченко, вожак комсомольской колонны. Отец ее погиб еще под Волочаевкой, об этом в песне поется (вдруг замечаешь, как пришло в литературу поколение героев, читающих «Разгром» Фадеева, как повесть отцов!). В занесенной снегами тайге, в краю буранов торжествует над всеми преградами их яркое человеческое чувство. Врач Ольга Родионова с ее несчастной личной судьбой. Страстный Умара Магомет, сварщик, бог соревнования, и еще многие, многие — всех не назовешь.

Поэтическая мысль романа, его идейная сущность проявляются в судьбах десятков персонажей. Все они важны. Каждый из них незаменим, как на трассе нефтепровода, где сотни людей копают траншеи в мерзлой земле, строят бараки, склады, пекарни, возят топливо, расчищают ледовые дороги, развозят трубы и приваривают их одну к другой...

Движение романа совпадает с движением в тайге. Вот тронулся в геройский путь — первым по всему бездорожному маршруту — шофер Сморчков, за ним на тракторе — Силин. Вот пошли по участкам на лыжах инженеры Беридзе и Ковшов. Вот ушла сотня комсомольцев-добровольцев подвешивать на столетних деревьях, среди медвежьих берлог, телефонную линию проводов — селектор.

Замечательный ключ найден к роману— селектор. Словно надев наушники, читатель слышит голоса разбросанного по диким лесам коллектива: где-то монотонно передают сводку погоды, кто-то сообщает о пропаже машины. Селектор становится главным нервом сюжета. Он несет людям радость и горе, наполняет страницы романа личным и общественным. В ночь на 7 ноября 1941 года люди взволнованно передают по линии, что говорил Сталин. Несколько месяцев позже, притихнув у аппаратов, вся трасса слушает горькую весть: кто-то читает Алеше Ковшову письмо из Москвы о гибели жены.

— Дышит наша трасса, живет и борется, — говорит однажды, включив селектор, начальник строительства.

Так начинаешь с помощью того же селектора понимать, что самое главное, о чем написано в книге, — трудовой советский коллектив, становление его небывало развитого и сложного нравственного мира. Он — главное. И он получился у талантливого писателя даже лучше отдельных линий и частных судеб.

Что же такое коллектив, спросит читатель, как не собрание этих личных линий?

Ответ дает сам роман. Нет, в том-то и дело, что частную жизнь Ковшова и нанайского председателя Максима Ходжера, комсорга Коли Смирнова и редактора Пущина, Жени Козловой и Пети Гудкина уже невозможно представить себе вне общей судьбы советского коллектива, отстаивающего Москву на берегах дальневосточной реки. Можно спорить с развитием некоторых сюжетных линий романа, как они задуманы или, по крайней мере, выполнены автором. Вне действия романа остаются жена Батманова, жена Ковшова, муж Ольги, — они только в письмах и воспоминаниях героев, которых мы узнаем, как друзей, и любим.

Но в том-то и дело, что в результате тридцатилетней жизни советского общества писателю удается разглядеть, показать в человеческом коллективе не только простое сложение личных судеб, а еще и нечто очень важное.

2.

Враг под Москвой. Нетерпеливые рвутся из тайги на фронт. Самое страшное—чувствовать себя забытым, вне борьбы, когда решается судьба Родины. Новые руководители приезжают по решению правительства в тайгу. Они застают коллектив в разброде: люди не верят уже в самую необходимость своего дела. А между тем время не ждет. Там, где предполагали строить три года, — надо сделать за год. Прежние руководители смещены, они не поняли новой задачи.

Есть своеобразная искренность в упорстве предельщика — главного инженера Грубского. Упорство его поддерживают и семимесячная зима, и десять томов технического проекта, и мировые авторитеты, и «госпожа вечная мерзлота», и «враг номер один» — снеговые бураны; но и обиженное самолюбие индивидуалиста, личная обида, та жалость к себе, ядовитую примесь которой можно обнаружить в природе всякого саботажа.

Что же составляет решающую, все опрокидывающую силу Батманова и Беридзе? То, что нефтепровод нужен для победы, от него нельзя отказаться. Отсюда ведь и правительственное решение: выполнить стройку за год, то-есть сделать невозможное. Как в боевом приказе «стоять насмерть», в этом партийно-государственном повелении заключена такая моральная сила, в сравнении с которой «искреннее упорство» Грубского и аморально и ничтожно.

Государственная необходимость — высшее этическое начало. Когда трудовой коллектив в советской стране решает государственную задачу, он выполняет высшее моральное поручение.

Инженер Грубский — тоже «человек труда». Свой десятитомный проект он не только сочинил, он изучил его наизусть, легко отыскивает каждый лист. Я и мое дело — вот критерий Грубского, и он не знает ничего моральнее и выше этого. Но появляется государственная задача, коллектив воспринимает ее патриотически, то-есть морально, и тогда все волшебно изменяется в технологических выкладках. Невозможное становится осуществимым досрочно! Государственная необходимость как бы заново пишет инженерные принципы, творит технические законы, создает новую науку, как бы меняет самые физические свойства материалов. Вот когда подлый индивидуализм ставится на колени! Он аморален и потому бессилен, ибо безупречно моральна государственная необходимость. Потому-то, мне кажется, и неправ автор, когда в конце романа с неожиданной для правдивого художника неубедительностью он примиряет Грубского со строительством. Таков, каким он изображен в романе, он был бы не способен что-либо построить в советской стране, как, скажем, и писатель иного мировоззрения не способен написать обо всем этом талантливую и нравственную книгу.

Интересно проследить, как в самую технологическую основу стройки ложатся идеи народности, демократизма нашего общества. Для того, чтобы решить главную проблему стройки — проблему темпов, инженер Беридзе переносит всю трассу будущего нефтепровода с правого безлюдного берега на левый, пусть затопляемый паводком, но зато населенный людьми. Местное население поможет народной стройке, — предвидит советский инженер.

Движение комсомольской колонны связистов по тайге напоминает другую страницу нашей истории: борьбу партизанских отрядов в Великой Отечественной войне, их замечательные зимние лесные рейды. Героика фронта и тыла удивительным образом соединяется, концентрируется в образе Тани Васильченко и ее боевых друзей.

Верой в человека пронизаны и согреты самые простуженные и мерзлые страницы таежного романа. Это наша партия утвердила в народе представление о высшей ценности человека. «Разве вас не учили тому, что нельзя себя выделять из общего?» — в жестоком разговоре порицает парторг Залкинд Алешу Ковшова за его своеволие, выразившееся в желании покинуть стройку ради фронта. Нельзя себя выделять! Но как сам парторг выделяет человека, какую настоящую человеческую ценность он провидит и в бойком снабженце и в нелюдимом инженере, переживающем «трагедию лояльности»! С какой убежденностью говорит он: «Каждому ясно: для громадного большинства людей, живущих в нашей стране, четверть века не прошла даром!» Страницы, посвященные отношению парторга Залкинда к людям стройки — к Батманову, потерявшему сына, к делегатам партийной конференции, к Тане Васильченко, даже к Грубскому, — дают очень много для понимания, в чем сила руководимого партией коллектива.

3.

Наши философы в долгу перед народом. Слабо и поверхностно разрабатывают они пока что вопросы социалистической этики. А между тем все еще живет кое у кого старое, несоциалистическое представление об антагонизме личного и общественного, при котором личное обедняется, «укорачивается» во имя общественного, а не безмерно расширяется и обогащается, как это на самом деле происходит в нашей действительности. Недавно снова сказалась в рассказе М. Пришвина «Большая звезда» эта «красивая», а на деле безобразная идея, будто бы красоту и счастье жизни кто-то хочет во имя будущего прекратить, уничтожить, как сжигают виноградники, пораженные филоксерой, как заливают даже почву под этими виноградниками сероуглеродом.

Нет, брешут аскеты! И на примере таежного коллектива в суровый год войны Василий Ажаев талантливо показывает миру, как преисполнен личным интересом советский человек в труде на благо Родины, как счастлив он в этом «всепожирающем» коллективе!

А ведь не поскупился автор в изображении трудностей существования: океанская непогода, пятидесятиградусные морозы, цынга, мерзлый хлеб в негнущихся пальцах. Никто не обещает здесь людям легкой жизни. Здесь обещают людям только то, без чего впрямь жить нельзя: работу, самую трудную работу, как высшее счастье, — самую важную работу. Обещают людям, что силы их уйдут в дело без остатка, даже еще и нехватит. Какие уж тут виноградники!

Так почему же так интересно и важно знать про все это? И почему герои полны оптимизма? Откуда это торжество духа?

Давайте вдумаемся на минуту, что заставляет уважаемого в родном рыбацком селе председателя колхоза Ивана Лукича Карпова, замечательного хозяина, оставить все налаженное хозяйство и уйти на стройку простым бригадиром, поссориться ради этого с женой и со всем селом; что заставляет шофера Сморчкова пересесть с легковой машины начальника на грузовую машину и возить толстые «дуры»-трубы по тайге; что заставляет редактора Пущина, распространяющего среди шоферов «дополнительное горючее» — листовки о соревновании, когда понадобится, на морозе лечь на крыло грузовика и «делать подсос карбюратором», уже не чувствуя одеревянелых пальцев...

Это пришли советские люди на край света и принесли с собой воздух социализма.

Генка Панков хочет итти с комсомольцами в тайгу. Ему пятнадцать лет. С какой настороженной угрюмостью разговаривает он с Батмановым, — как бы не прогнал, не запретил...

«— Все ребята идут, а мне одному оставаться? — с обидой в голосе сказал Генка.

— Но кто же виноват, что тебе только пятнадцать. Работа трудная, не всякому взрослому под силу.

— Я выдержу.

— А если что-нибудь случится с тобой? Твой отец меня не помилует тогда.

— Отец-то как раз и пустил бы, — твердо сказал Генка и поднял, наконец, глаза на Батманова.

— Пустил бы отец, говоришь?

— Ну да, пустил бы. Он меня два раза в экспедицию брал...»

Так бесконечно разнообразно проявляют люди свое личное, свою ответственность, свою требовательность к себе, так все они, каждый по-своему, стремятся от меньшего к большему.

«Мне теперь кажется, — пишет Ковшов своей жене на фронт, — нет предела силам человека, надо только очень много с него спрашивать... Может быть, я невзначай открыл новый закон производительности труда?» —так шутит он, не догадываясь, что и в самом деле открыл нечто очень значительное в природе советского коллективизма.

Так где же оно — укорочение личного? Уничтожает ли социализм виноградники личного во имя будущего? Есть ли клевета отвратительней?

В суровой обстановке, в условиях дикой первозданной природы, где капитализм собрал бы одни подонки — авантюристов, героев волчьего закона, людей без совести и принципов, — собрал бы да еще их же, подонков, и опоэтизировал, — наш общественный строй творит подлинно благородный коллектив, который ничем не отличается от любого производственного коллектива где-нибудь в Сормове, в Иванове или на Шатуре.

Читатель привыкает в романе к такой ясной и чистой атмосфере социалистических отношений между людьми, что толстый низенький японец-концессионер, низко кланяющийся с крайним подобострастием, кажется ему каким-то марсианином.

Так, читая книгу, невольно задумываешься о той действительности, которая легла в основание жизненного опыта молодого автора, о нашей жизни, рождающей миру самое чистое, без кавычек, потому что самое человечное искусство.

В сущности, сколько хорошей родни у писателя, пришедшего к нам в 1948 году с первой книгой, — «Большой конвейер» Ильина, «Педагогическая поэма» Макаренки, «Люди из захолустья» Александра Малышкина, если даже не считать целой полки советских книг о Дальнем Востоке. Я не хочу сравнить все эти книги по дарованию и по масштабам писательского мастерства. Однако есть в них что-то общее. Они показывают миру, что советский коллектив есть нечто качественно новое, и что в советском коллективе наш человек, наш рядовой человек становится неизмеримо лучше.

«— Мне подумалось: чем замечателен сегодняшний день, — говорит парторг в дальневосточной тайге 7 ноября 1941 года. —Представил я себе москвичей в окопах под Волоколамском, моряков среди камней Севастополя, полярников, ленинградцев... Сегодня, мне кажется, люди должны быть не совсем обычными. Не то, что они вдруг станут не теми, какими были всегда, — нет! Так предполагать — наивно. Они останутся теми же, но все лучшее, что у них есть, должно показать себя».

Так вот, интересно жить в мире героев ажаевского романа! Вот почему ты веришь, как самому себе, парторгу Залкинду, когда вдвоем с Алешей Ковшовым мчатся они во мраке ночи по заводскому району, машина нащупывает фарами путь впереди, а парторг возбужденно доказывает свою мысль:

«— Как интересно жить, Алеша, — дух захватывает! Наши дети и внуки будут нам завидовать. Отлично сказал Горький, лучше не скажешь: «Превосходная должность — быть человеком на земле!»

Василий Ажаев. «Далеко от Москвы». «Новый мир». №№ 7, 8, 9; 1948.

На комбинатах — горы бумаги, в типографиях — пустые склады

История повторяется...

Во многих издательствах и типографиях нет бумаги. Задерживается выпуск книг и брошюр.

В школах ждут тетрадей. Ждут потому, что крупнейшая фабрика «Светоч», вырабатывающая тетради, не имеет бумаги.

Что же, плохо работают бумажники? Ничуть не бывало. Комбинаты ежемесячно перевыполняют планы. Десятки тысяч тонн печатной газетной, тетрадной, оберточной бумаги, целлюлозы, картона лежат без движения в Краснокамске, Архангельске, Каменке, на группе Кондровских фабрик, на предприятиях Белоруссии, Украины. Бумагу складывают прямо во дворах, где в осеннюю непогоду она подвергается порче. Срывается ритм работы предприятий, с каждым днем возрастают залежи. Так замыкается порочный круг...

И все происходит потому, что целлюлозно-бумажные комбинаты ждут, пока железнодорожники соблаговолят подать порожняк.

В июле по вине железных дорог не отгружено 1.226 вагонов, в августе — 1.222 вагона и за 20 дней сентября — более 1.000 вагонов.

Бумажники хотят знать, когда же, наконец, железнодорожники начнут выполнять свои обязательства перед государством и станут работать по плану, по утвержденным графикам?

Пермская, Свердловская, Кировская, Октябрьская, Северная, Киевская и Белорусская железные дороги срывают погрузку бумаги, целлюлозы и картона. Министерство путей сообщения неоднократно давало распоряжения начальникам этих дорог выполнить план подачи порожняка, однако у железнодорожников-администраторов своя точка зрения: министерство, мол, пописывает директивные указания, а они почитывают и... подшивают их к делу. Люди забывают о том, что без помощи транспорта нельзя выпустить книгу или дать школьнику тетрадь.

Мы уверены, что министр путей сообщения СССР тов. Б. П. Бещев сумеет заставить нерадивых начальников дорог немедленно разгрузить бумажные комбинаты от завалов.

НОВЫЙ ПРОХОДЧЕСКИЙ КОМБАЙН

Инженер А. Лифеpенко создал проходческий комбайн оригинальной конструкции. Как известно, еще до войны первый образец такой машины был сконструирован И. Чихачевым. Его машина отбивала мелкий уголь и проходила выработки с круглым сечением. Тов. Лифеpенко построил свою машину на базе врубовки «ВТУ-1» (врубовая, тяжелая, универсальная).

В отличие от машины Чихачева, сверлящей пласт, комбайн Лифеpенко скалывает крупные куски угля, не поднимая при этом пыли. Комбайн позволяет вести скоростную проходку коренных штреков. Пробный экземпляр машины работает на шахте № 3—3-бис в Прокопьевске (Кузбасс). Первые опыты показали, что с помощью новой машины можно проходить за одну смену 10—15 метров штрека сечением 10 квадратных метров. Это во много раз выше нынешних темпов проходки.

Тов. Лифеpенко спроектировал и другой комбайн — для проходки очистных забоев в пластах пологого падения. Машины этой конструкции также построены на принципе скалывания угля, тогда как комбайны, применявшиеся прежде, резали уголь.

КЛУБНЫЙ ЖУРНАЛ

СТАЛИНО. (Наш корр.). Клуб инженерно-технических работников треста «Буденновуголь» ввел новую форму пропаганды политических и научных знаний — устный «журнал» «Новости жизни».

Первый номер «журнала» был составлен из отделов: международного, науки и техники, искусства и литературы. Секретарь райкома КП(б)У тов. Соболев сделал сообщение о Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира; с информацией «Новости угольной промышленности» выступил начальник технического отдела треста тов. Коваленко; о новинках художественной литературы рассказала член правления клуба тов. Шершнева. Вся программа «журнала» заняла 45 минут. Затем артисты Сталинской филармонии дали большой концерт.

Инженеры и техники Буденновского района проявляют большой интерес к полезному начинанию клуба. «Журнал» будет выходить систематически.

Механизмы приходят на помощь человеку

11 сентября в № 73 «Литературной газеты» была опубликована статья писателя Александра Яковлева «Конец «лямки», посвященная механизации трудоемких процессов на речном транспорте. Автор показал, какая огромная работа в этой области проведена за годы советской власти, в частности в Горьковском порту, и одновременно отметил ряд узких мест портового хозяйства, где механизация внедрена еще в недостаточной степени.

В связи со статьей министр речного флота тов. З. А. Шашков заявил нашему корреспонденту:

— Мы, работники речного флота, испытываем чувство большого удовлетворения, видя, что советские писатели обратились к темам механизации погрузки и выгрузки в портах и желают помочь в осуществлении одного из важнейших заданий, поставленных перед нами в послевоенной пятилетке.

Прочитав статью тов. А. Яковлева, я невольно вспомнил такой факт. Когда в 1912 году профессор Н. Емцов приехал в Нижний-Новгород, чтобы попытаться внедрить краны в практику работы на пристани, нижегородские толстосумы — владельцы пароходств—заявили, что рабочая сила дешева и им более выгодно пользоваться ручным трудом, чем механизмами.

Подобные факты невозможны в советской стране. В нашем социалистическом государстве партия большевиков и советское правительство неуклонно проводят политику всемерного облегчения труда и создания условий, благоприятствующих росту его производительности.

После Великой Отечественной войны наш народ развернул гигантское строительство; многое делается и для дальнейшего развития хозяйства речного транспорта, роль которого в экономике страны весьма велика. Задачи речного флота из года в год возрастают, мы должны перевозить все больше и больше грузов. Вот почему речники очень заинтересованы в том, чтобы писатели помогли им в решении задач, связанных с механизацией.

Кроме Горьковского, у нас есть еще несколько таких же богатых техникой портов, как, например, Московский, Новосибирский, Иркутский, Киевский, Днепропетровский, Ростовский-на-Дону, Сталинградский и др. Мы можем с гордостью отметить, что наши ученые и инженеры сделали немало для разработки новых типов механизмов, а наши замечательные стахановцы добились значительных успехов в освоении новой техники.

В связи с проблемой всесторонней механизации трудоемких и тяжелых работ в портах перед нами все острее встают вопросы подготовки и переподготовки кадров, улучшения технологии, ввода в действие и освоения все новых и новых, более совершенных механизмов.

Первую из этих задач мы решаем в наших вузах и техникумах и на всевозможных курсах, готовящих механизаторов. Улучшением технологии перегрузочных работ у нас занимаются научно-исследовательские институты и инженеры на производстве. Значительно труднее решить задачу производства перегрузочных машин. Здесь мы, речники, во многом зависим от машиностроительной промышленности, которая пока очень плохо помогает в механизации портовых работ. Машиностроительные заводы, отказываясь возобновить или заново организовать производство необходимых машин для портов, тормозят развитие речного транспорта.

Еще в тяжелых условиях военного времени Министерство речного флота наладило на одном из своих заводов изготовление плавучих кранов. Затем мы организовали серийный выпуск ленточных транспортеров-конвейеров. Недавно на одном из наших предприятий изготовлены первые экземпляры складских механических штабелёров. Силами московской экспериментальной мастерской по механизации сконструирован грейфер — приспособление для захвата сыпучих грузов. Этой же мастерской разрабатываются новые типы механизмов.

Но всех сложных технических вопросов мы сами решить не можем. Производство под'емно-транспортного оборудования должно быть возобновлено машиностроительной промышленностью, причем в массовом, серийном порядке. Нам нужны портальные и гусеничные краны, краны на железнодорожном ходу, передвижные самоходные транспортеры и винтовые транспортеры для штучных грузов. Агрегат последнего типа особенно важен для облегчения трудоемких работ в трюме судна, а также на складе. Но машиностроители почему-то упорно не желают его изготовлять. Не можем мы добиться от них и согласия на производство пневматических перегружателей.

Автор очерка «Конец «лямки» правильно отметил ненормальное положение на причалах нашей клиентуры в Горьковском порту. Я должен специально остановиться на этом вопросе. Дело в том, что производительность речного флота, рациональное использование его в значительной мере зависят именно от клиентуры, так как она своими средствами и силами обрабатывает две трети всех грузов, перевозимых для нее нашим флотом.

И мы не можем понять, почему, например, руководители крупнейших предприятий Министерства лесной и бумажной промышленности, а также ряда приречных элеваторов и мельниц и многих других предприятий, пользующихся услугами речного флота, заботясь о подготовке автогужевых и железнодорожных веток, совсем не беспокоятся или мало беспокоятся о строительстве соответствующих речных причалов и оснащении их необходимой техникой. Эта беспечность приносит государству огромные убытки, вызываемые длительными простоями судов у необорудованных причалов.

Мы хотели бы, чтобы писатели продолжили свои выступления по вопросам механизации, чтобы своим активным вторжением в жизнь речного транспорта они помогли нам выполнить в срок задания послевоенной сталинской пятилетки.

Конкурс на лучшую книгу для детей

Закончился первый тур конкурса на лучшую художественную книгу для детей дошкольного и школьного возраста, организованного Министерством просвещения РСФСР и Детгизом. Конкурс об'явлен сроком на 3 года — с 1 мая 1947 г. по 1 мая 1950 г. Присуждение премий производится ежегодно.

Директор Детгиза, член жюри конкурса К. Пискунов, в беседе, посвященной итогам первого тура конкурса, сообщил:

— Конкурс вызвал большой интерес в самых широких литературных и общественных кругах. На первый тур поступило свыше 400 книг и рукописей. В числе авторов, наряду с уже известными писателями, много молодых, начинающих литераторов, участников Великой Отечественной войны, работников всевозможных профессий (ученых, инженеров, натуралистов).

Жюри конкурса, под председательством министра просвещения РСФСР тов. А. Вознесенского, присудило первые премии:

А. Барто — за книгу стихов о социалистической Москве «Я живу в Москве», Л. Кассилю — за повесть о детстве и юности московской школьницы «Великое противостояние», С. Маршаку—за «Быль-небылицу» (поэму о прошлом и настоящем) и «Разноцветную книгу» для детей младшего возраста, С. Михалкову — за пьесу о пионерах «Красный галстук» и за книги «Служу Советскому Союзу» и «Нам тридцать лет», А. Мусатову — за повесть «Стожары»—о жизни детей в колхозе.

Так как в книге для детей дошкольного возраста работа художника приобретает особое значение, жюри премировало художников А. Ермолаева за участие в создании книги «Я живу в Москве», В. Лебедева за «Разноцветную книгу» и В. Щеглова за книгу «Служу Советскому Союзу».

Вторые премии присуждены: писателю В. Бианки — за научно-художественную книгу для детей младшего возраста «Лесная газета», С. Липкину — за книгу «Манас Великодушный», З. Перля — за научно-познавательную книгу о Военно-Морском флоте «Боевые корабли», Б. Полевому—за рассказы об участниках Великой Отечественной войны «Мы — советские люди», В. Смирнову — за повесть о детстве в дореволюционной деревне «Открытие мира».

Третьи премии получили: Л. Воронкова — за повесть «Село Городище», украинский поэт П. Воронько — за книгу стихов «Три счастья», писательница Э. Выгодская — за историческую повесть «Опасный беглец», рисующую народно-освободительную борьбу в Индии. Краеведу из Курской области М. Горбовцеву присуждена премия за повесть «Мишкино детство». И. Ильину — за научно-познавательную книгу по метеорологии «Человек и стихия», В. Курочкину—за «Бригаду смышленых», Н. Носову — за повесть «Веселая семейка», В. Осеевой — за школьную повесть «Васек Трубачев и его товарищи», ученому-популяризатору В. Д. Охотникову — за книгу научно-фантастических рассказов «На грани возможного», Я. Тайцу — за повесть «Находка», поэтессе Е. Трутневой — за цикл стихов для детей младшего возраста «В родном краю».

Кроме того, жюри конкурса постановило выдать ряд поощрительных вознаграждений.

Несомненно, что результаты первого конкурса сыграют значительную роль в дальнейшем росте советской литературы для детей. Надо надеяться, что второй тур конкурса, на который уже начали поступать произведения, даст нашей детской литературе новые хорошие книги, новые имена.

Мировой рекорд колхозницы Нестерчук

Еще не закончилась уборка хмеля, а по колхозам Житомирской области уже пронеслась весть о замечательном успехе бригадира сельскохозяйственной артели имени XVIII партс'езда Марии Нестерчук. Актом зафиксирован достигнутый ею урожай молодых посадок хмеля по 14,5 центнера с гектара. Этот результат превышает все известные цифры урожаев первого года в Германии, США, Франции, Австрии, Австралии.

— Как добилась колхозница Нестерчук такого успеха?

С этим вопросом корреспондент «Литературной газеты» обратился по телефону к заведующему сельскохозяйственным отделом Житомирского обкома КП(б)У тов. И. Шишатскому.

— Житомирские колхозники давно пользуются славой лучших хмелеводов мира,— сообщил тов. Шишатский. — Еще до войны в колхозе имени Молотова Потиевского района и в колхозе «Друкарь-коллективист» Житомирского района был поставлен мировой рекорд — собрано по 25 центнеров хмеля с гектара. Но это был урожай третьего года. Урожаи же первого года никогда не превышали 4—5 центнеров с гектара. Считалось, что такова природа хмеля, этого многолетнего растения.

Колхозница Мария Нестерчук уже давно работает на плантациях хмеля и ежегодно получает высокие урожаи со старых посадок. Став звеньевой, а затем бригадиром, тов. Нестерчук задалась целью уже в первый год жизни растения получить высокий урожай. Колхозница, узнав о трудах И. В. Мичурина и Т. Д. Лысенко, смело применила мичуринское учение в своей повседневной работе.

Недалеко от колхоза имени XVIII партс'езда расположена опытная научно-исследовательская станция. Мария Нестерчук была здесь частым гостем. Советовалась, какой взять сорт хмеля, кропотливо отбирала черенки. В нынешнем году она во время посадки хмеля обеспечила его подкормку; затем подняла молодые побеги на шпалеры; провела несколько междурядных рыхлений; в течение вегетационного периода вновь подкармливала растения. Высокое искусство знатного хмелевода и подлинно творческое отношение к труду дали свои результаты. Молодые побеги быстро достигли нормальной высоты и зацвели. Вырос великолепный хмель!

Так, создав хорошие условия для развития растений, применив на практике методы мичуринской науки, житомирская колхозница установила свой мировой рекорд. Кстати, на всей площади старых плантаций колхоза она также добилась выдающихся результатов — урожая по 18 центнеров с гектара.

К работе Марии Нестерчук давно присматривались колхозники соседних артелей. Применив ее агротехнические приемы, члены колхоза имени Свердлова Житомирского района получили нынче по 13 центнеров хмеля с гектара посадок первого года. Больших успехов добились хмелеводы колхоза имени Сталина Володарско-Волынского района и ряда других артелей области.

Культура хмеля весьма трудоемка. Успех, достигнутый тов. Нестерчук, еще раз свидетельствует о том, что может дать содружество мичуринской науки с колхозной практикой.

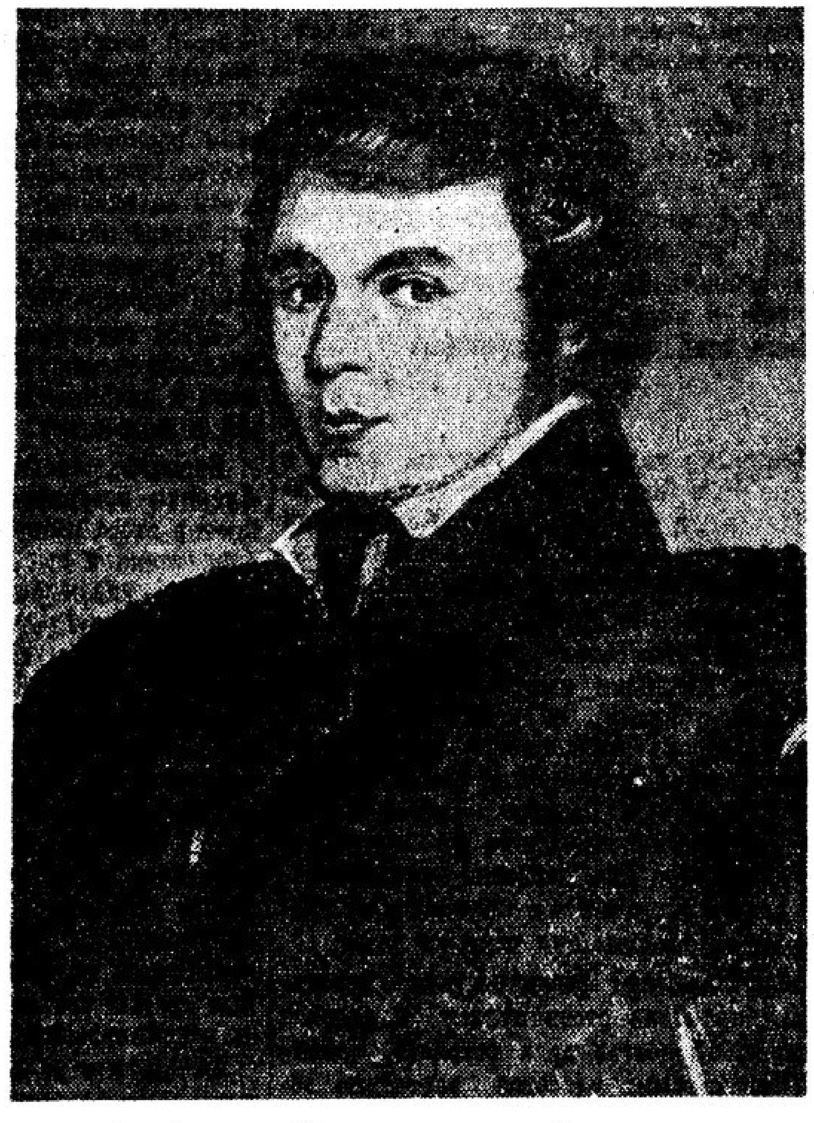
К столетию со дня смерти Хачатура Абовяна

Великий писатель Армении

БЕССМЕРТНОЕ ИМЯ

В 1848 году в Ереване, который звался тогда Эриванью, произошел эпизод, взволновавший весь город. Не то глубокой ночью, не то на рассвете из дому ушел инспектор загородного уездного училища Хачатур Абовян. И больше никто никогда его не видел.

На берегу реки Занги, в окрестностях города, были найдены части одежды Абовяна. Одни предполагали, что Абовян был убит. Другие думали, что Абовян действительно бросился в реку, и об'ясняли это его тяжелой душевной депрессией. Абовяна в городе хорошо знали. Его любили не только многочисленные ученики, он пользовался большой популярностью среди армянской интеллигенции и пригородных крестьян.

Время было тревожное. Шел сорок восьмой год. На Западе грохотали революционные бури. В России росло беспокойство, и николаевская полиция, как всегда в таких случаях, свирепствовала. По стране прошла волна арестов. Ни царь, ни его министры еще не забыли декабрьских событий 1825 года, когда монархии грозила смертельная опасность. Вести с Запада действовали на них устрашающе. Не осталось во всей империи сколько-нибудь крупного города, где не было бы репрессий, и Эривань не была исключением. Поэтому современники, стараясь об'яснить непонятное исчезновение учителя и не верившие слухам о его смерти, шопотом делились друг с другом догадками иного характера. Они об'ясняли исчезновение Абовяна таинственными, но всем известными подвигами «черной кареты», т. е полицейского фургона, потихоньку, без огласки похищавшего людей, ставших «неудобными».

Как бы то ни было, Абовян бесследно исчез и, очевидно, погиб; ему не было и сорока лет.

Его положение учителя, инспектора уездного училища было более чем скромно. Перед этим он имел частную школу в Тифлисе, а еще раньше учился в Дерптском (теперь Тартуском) университете.

Успехов в жизни было как будто не очень много. В сорок лет Абовян был скромным учителем, но после смерти в Ереване ему поставили памятник. Дело в том, что Абовян был не только учителем, знатоком народной армянской поэзии и поэтом-любителем. Он создал одну из самых любимых в Армении книг — роман «Раны Армении», написал ряд произведений в других жанрах.

Роман писался исподволь, урывками, почти тайком, больше по ночам. Окончательной отделки он не получил и после того, как автор его погиб, долго валялся вместе с другими бумагами в одном из ящиков его старого письменного стола. Друзья покойного не без труда получили рукопись у вдовы, переписали ее, отредактировали и напечатали. Все это было сделано учениками, трогательно любившими Абовяна.

Роман «Раны Армении» открыл эру новой армянской литературы.

До книги Абовяна языком армянской литературы был древнеармянский язык — грабар. Не только церковная служба велась на этом языке, на нем писали все, что печаталось по-армянски, вплоть до статей в периодической печати. Но, чтобы понимать его, нужно было иметь специальное образование. Народ, в том числе и вполне грамотные люди, грабара не понимал.

Абовян писал в предисловии к роману: «Ведь ежели народ не говорит на этом языке, не разумеет его, — тут хоть сыпься золото из твоих уст — что толку?»

Абовян написал свой роман на эриванском наречии и тем самым сделал его литературным языком Армении, как в Италии после Данте таким языком стало наречие тосканское, а в Англии после Чосера — лондонское. Он создавал страницу за страницей, главу за главой свое печальное повествование, и ему в голову не приходило, что оно принесет его имени бессмертие.

В романе Абовяна с большой силой рассказано о тяжелом положении армянского крестьянства при персидском владычестве. Абовян был горячим сторонником русских в войне России против Персии в 1828 году. Он писал в своем романе: «Да будет благословен тот час, когда русские благословенной своей стопой вступили на нашу светлую землю...»

В «Ранах Армении» Абовян не только рассказал о бедствиях армянского народа, он показал борьбу, которую вел армянский народ против притеснителей и мракобесов.

Роман «Раны Армении» — один из самых ярких документов освободительной борьбы армянского народа, и с самого своего появления в печати он воодушевлял всех армянских революционеров, отстаивавших свободу и достоинство родины.

Вот почему наш народ глубоко чтит память Хачатура Абовяна. Теперь армянский народ свободен, и армянская республика занимает почетное место в семье братских республик Советского Союза. Борьба, которую благословил своим романом Абовян, принесла плоды. Идеалы великого армянского писателя воплотились в жизнь, и автор «Ран Армении» по праву занимает почетное место в Пантеоне выдающихся писателей народов советской страны.

А. ДЖИВЕЛЕГОВ

ВСЕГДА С НАРОДОМ!

В тяжелое время пришлось работать и творить Абовяну. Родившийся в 1805 году, он в детские и юношеские годы видел всю тяжесть доли родного народа, гнувшегося под ярмом средневекового деспотизма шахской Персии. Любой персидский фарраш (жандарм) мог средь белого дня похитить девушку, кровно оскорбить старика, сжечь дом крестьянина, выколоть ему глаза, убить его. У армянина не было человеческих прав.

«Духовные вожди», священники, пытались приспособиться к поработителям и усмирить мятежный дух паствы... евангельской проповедью повиновения.

В начале XIX века, с продвижением русской армии на юг, когда уже соседние страны — Азербайджан и Грузия — присоединены были к России, надежда сбросить персидское иго вспыхнула в Армении с новой силой, она положила начало национальному пробуждению масс.

В конце двадцатых годов прошлого столетия на всех пирах и свадьбах первой звучала здравица за Россию — «чтоб пришла она поскорее, освободила нас из рук этого проклятого кизилбаша» (персидского солдата).

Абовян понял эти стремления родного народа и впоследствии стал гениальным выразителем его чаяний.

Пришло время присоединения к России части Армении, находившейся под персидским владычеством. Армянский народ с ликованием принял это историческое событие, навеки связал свою судьбу с судьбой своей освободительницы.

Конечно, в сравнении с персидским игом положение народа облегчилось, не было прежних насилий и угроз физического уничтожения. Но длилось тоскливое царство тьмы. Духовенство, феодалы, царские чиновники нещадно эксплоатировали массы трудящихся.

Самым выдающимся среди армянских просветителей этого времени был сын крестьянина села Канакир, расположенного вблизи Еревана. Ему, Хачатуру Абовяну, было немногим более 20 лет, когда в годы русско-персидской войны и занятия Еревана он служил у католикоса переводчиком русского языка.

Для того чтобы нести просвещение народу, Абовяну предстояло вооружиться большими знаниями. Ему удалось поехать учиться в Дерпт (Тарту). Здесь он совершенствуется в русском языке, овладевает немецким и французским языками, внимательно изучает историю народов, естественные науки и музыку, широко общается с русскими студентами Дерпта, завязывает дружбу с сыновьями Карамзина. Он знакомится с Жуковским, с восхищением отмечает, что русский поэт полон национального достоинства и это украшает его стихи.

В Дерпте же происходит столкновение Абовяна с Фадеем Булгариным, написавшим университетскому начальству донос на Абовяна.

В 1836 году Хачатур Абовян выехал на родину; первая же встреча с «духовным главой», католикосом Ованнесом Карбэци, приносит ему горькое разочарование. Католикос отнесся к бывшему своему переводчику, как к «отщепенцу».

Все, что предпринимал отныне Абовян, вызывало подозрение; составленные им учебники сжигали, его удаляли со службы, подвергали аресту, клеветали на него, окружали сетью интриг. Вокруг были враждебно настроенные люди, но Абовян всякий раз, после испытаний, неизменно возвращался к педагогической деятельности и занимался литературой. Писал он во всех жанрах — романы, рассказы, драмы, басни, повести, стихи, моралистические трактаты, песни, исторические и педагогические монографии, составлял новые учебники, переводил произведения Крылова, Карамзина, Хемницера, Дмитриева, Руссо, Шиллера, Гёте, Гомера.

Несмотря на то, что при его жизни не увидело света ни одно его произведение, он не переставал писать для народа (ныне его сочинения издает Армянская Академия наук восемью об'емистыми томами).

Самое значительное произведение Абовяна «Раны Армении» — роман, положивший начало новой эпохи в истории армянской литературы. Односельчанин девушки, похищенной персидскими фаррашами, смельчак Агаси убивает нескольких жандармов и со своими товарищами вырывает девушку из рук похитителей. Далее роман повествует о странствиях и подвигах Агаси, изгнанного из родного села. Подобрав отряд смельчаков, Агаси сеет тревогу и ужас среди врагов. Далее он записывается в русскую армию и, как русский офицер, входит в занятый русскими войсками Ереван. Среди всенародного ликования предательский удар притаившегося врага обрывает жизнь Агаси.

Выбор героем романа бедняка Агаси — в противовес «мужам именитым» — и обет писателя «не кривить душой в угоду большим людям» определили силу книги «Раны Армении».

Творчество Абовяна приобретает особое значение также и потому, что его демократизм не ограничивался борьбой против иноземного гнета, призывом к свержению его. Писатель видел и классовый антагонизм в родном народе, он с большой убедительностью вскрыл эксплоататорскую роль духовенства, нарисовал хищнические типы представителей торгового капитала, противопоставил труд и его радости быту захребетников и «деяниям» церкви.

От кого мог народ Абовяна ждать спасения? Взгляд писателя устремился на север — к России. Зоркость Абовяна помогла ему осознать исторический путь его родины. Вся жизнь и все творчество стали пропагандой любви к русскому народу, его передовой культуре. Читаем ли мы «Раны Армении», стихотворения ли, или произведения Абовяна других жанров, эта его любовь везде ярко отражена. Он оценил демократические силы народа и подверг суровому осуждению колониальную политику царизма.

До конца жизни, подвергаясь настойчивым преследованиям царизма, Абовян остался горячим поклонником передовой культуры русского народа.

В 1845 году он писал: «Будем стараться по мере сил и возможности приобретать полезные знания, воспитывать нашу мысль и сердце, приобретать знание русского языка с тем, чтобы расти вместе с лучшими людьми России. Именно этим, а не чем-либо иным мы сможем воссоединиться с великим русским народом, самое имя которого внушает всем — даже чужеземцам — любовь и благоговение». И тут же Абовян восклицает: «Да здравствует Россия!»

Передовые идеи Абовяна усиливали ненависть к нему и притеснения со стороны духовенства и местных чиновников. В архиве сохранились настойчивые требования прокурора эчмиадзинского синода, настаивавшего на том, чтобы Абовяна выслали из Армении. Абовян писал: «В Петербурге и Тифлисе много доносов на меня; мои враги предали меня и доведут меня до погребения заживо или до виселицы».

Деятельность таких просветителей Армении, как Абовян, подготовила почву для рождения революционного демократизма. В год гибели Абовяна начал свою деятельность Микаэл Налбандян, в будущем друг Герцена, ученик Чернышевского, крупный армянский писатель и революционный демократ.

Жизнь и творчество Абовяна не прошли бесследно. У него были ученики. Литература последующих десятилетий овеяна духом его творчества. В наши дни, в эпоху Ленина—Сталина, он снова встает пред нами с чистым, гордым обликом, увенчанный лаврами бойца за свободу народа, за прогресс, за братство народа.

Рачья КОЧАР

Летопись одного фронта

П. ПАВЛЕНКО

Книги, посвященные событиям Великой Отечественной войны, как правило, встречают хороший прием и у читателя, и у критики. Работе В. Закруткина повезло лишь отчасти, — «Кавказские записки» читают, о них говорят, спорят, критика же обошла книгу молчанием.

Ростовский литератор В. Закруткин в дни Отечественной войны был корреспондентом газеты Закавказского фронта. Подобно многим своим товарищам по профессии, он вел трудную, полную превратностей, успехов и неудач жизнь рядового военного корреспондента, от которой по окончании войны не всегда остается даже тоненькая книжечка очерков, переживших события, которым они посвящены.

В. Закруткин поставил перед собой задачу — рассказать о событиях и людях, в них участвующих, начиная со времени занятия Ростова немцами и до освобождения его советскими войсками. Дневник военного корреспондента превратился в своеобразный «вахтенный журнал» фронта — задача огромная и к тому же трудно осуществимая, ибо фронтовой литератор — существо кочевое, не прикрепленное к точно ограниченной территории. Не был прикован ко всем событиям на Кавказе и В. Закруткин. Многое он видел сам, принимал личное участие, о другом знал из рассказов товарищей, третье добыл из военных архивов.

Так создалась книга, которую я не знаю, как назвать, — хроникой ли, очерками ли, сборником ли документальных новелл, или репортажем. Книга читается с огромным интересом, она богата содержанием и дает нам более или менее целостное представление о жизни фронта, с момента его возникновения до последних дней.

Начало повествования относится к июлю 1942 года, когда наши войска временно оставили Ростов и в долинах Кубани начались военные действия.

Немцы ворвались на Северный Кавказ. Сражение развернулось на огромном плацдарме. «Все пришло в движение, и кажется даже, что вот-вот снимутся с мест кубанские хаты, оторвутся от земли яблони и тополя, и золотые скирды соломы, и копны сена, и все это устремится вперед, вслед за людскими потоками, чтобы не осталось врагу ничего, кроме сожженной солнцем пустыни».

Так начинается кавказская страда.

Походный дневник В. Закруткина заполняется фактами, мыслями, публицистическими размышлениями, информационными главами, крохотными зарисовками, этюдами. Они даны единым потоком, точно автор, вспоминая жизнь Кавказского фронта, рассказывает все так, как запомнилось, — одно покороче, другое подлиннее, тут лишь намеком, там — готовой новеллой.

В целом получается произведение живое, строгое, почти документальное и вместе с тем необычайно поэтическое и глубоко художественное.

Манера письма у Закруткина завидно скупа. Он не боится упомянуть в двадцати строках о событии, которого другому автору хватило бы на добрую повесть. В. Закруткин вложил в одну книгу своих «Записок» конспекты нескольких таких повестей.

Такой спрессованной повестью является удачнейшая глава книги — об Иркутской дивизии полковника Аршинцева, оставившей после себя поистине легендарную славу на Кубани и в Крыму. Одно из звеньев этой главы — ночь на Лысой горе и сражение у Волчьих ворот — может, на мой взгляд, служить образцом немногословной, сдержанной и в то же время темпераментной прозы.

«Я перелистываю, — пишет В. Закруткин, — свои походные дневники — блокноты, тетради, клочки бумаги, вспоминаю фамилии, лица, отдельные участки обороны, памятные даты и памятные места, и мне все кажется, что я никогда не закончу перечень человеческих подвигов, что моей жизни нехватит на то, чтобы написать летопись нашей солдатской славы».

В этом авторском признании — весь стиль книги.

«Кавказские записки» — летопись, а не боевые зарисовки, хроника, а не воспоминания о пережитом, год жизни фронта, а не год поездок и встреч фронтового корреспондента. Они интересны новизной решения и масштабом охвата. Язык В. Закруткина радует строгой разборчивостью. Впрочем, я слышал отзывы читателей о суховатости языка и об'ясняю их лишь своеобразием, необычностью жанра, непривычно коротко рассказывающего о больших событиях.

Работа В. Закруткина займет не последнее место в ряду уже широко известных читателю книг «бывалых людей» — Ковпака, Федорова, Козлова, Вершигоры, Джигурды. Хочется при этом отметить, что почти все перечисленные книги созданы, так сказать, на местах происшествий людьми, в искусстве очень молодыми, чаще всего «первокнижниками».

И надо сказать, таких сильных первых книг у писателей, живущих в областях, до сих пор не было. «Чистая Криница» крымчака Поповкина и «Далеко от Москвы» дальневосточника Ажаева пополняют список писателей, выходящих на всесоюзную арену с полновесными, фундаментальными произведениями.

Небывалый расцвет литературы в краях и областях за послевоенные годы внушает чрезвычайно радужные надежды. Ряды художников слова изо дня в день пополняются новыми именами, несущими с собой и новые темы, и новую манеру письма, подсказанную жизнью, а не заимствованную у представителей старших литературных поколений. Ряды советских литераторов пополняются людьми практического действия, влюбленными в самый процесс социалистического деяния, для которых и литература — строительство социализма, у которых нет разрыва между мыслью и действием, между собственной жизнью и собственным творчеством.

В связи со всем этим хочется думать, что в ближайшее время усилится внимание к писателю, живущему в области, со стороны редакций столичных журналов. (Кстати, книга В. Закруткина не появилась ни в одном из них). Пример превосходного романа Ажаева в этом отношении во многом уже обнадеживает.

Виталий Закруткин. «Кавказские записки». «Советский писатель». 1948. 438 стр.

Месячник по распространению советской книги

ВИЛЬНЮС. (Наш корр.). ЦК КП(б) Литвы постановил провести республиканский месячник по распространению советской книги.

В городах и деревнях республики с 15 сентября открылись книжные базары. Киоски по продаже литературы установлены на площадях, железнодорожных станциях, при заготпунктах, на заводах, в совхозах и колхозах. В отдаленные пункты литературу понесут комсомольцы и пионеры-книгоноши.

Члены Союза советских писателей Литвы выезжают в деревню для пропаганды книги. В колхозах, совхозах организуются встречи писателей с читателями. Кроме того, писатели прочтут ряд лекций о значении советской книги в развитии культуры народа.

Проведением месячника книги руководит республиканская комиссия, которую возглавляет заместитель председателя Совета Министров Литовской ССР тов. В. Ю. Нюнка. В уездах также созданы комиссии.

У нас на севере

Карело-финский дневник

Мариэтта ШАГИНЯН
Специальный корреспондент «Литературной газеты»

1. Столица республики

В Петрозаводск приезжаешь на заре. Я приехала на белой заре еще не погасшей ночи. Может быть, оттого, что не знаю Севера, впечатление было очень остро, очень ново: словно край света («заря с зарей сходится»). Пронзительная ясность, свежесть, обилие открытого пространства. Небо глядится в большую воду Онежского озера, большая вода глядится в небо, но не так, как на южных морях и озерах, из синевы в синеву, с теплой подмесью солнца, а бледно, очищенно от красок, словно ветер метлой подмел и эту высокую голубизну, где расчесаны белые, плотные стайки и кудерьки облаков, и это опалово-голубое озеро внизу с сизыми чайками на воде, тронутой, — как гусиная рябь на коже от холода, — гусиною рябью мелких волн.

Город Петрозаводск, столица Карело-Финской ССР, раскинутый с невероятной щедростью по холмистому, овражьему, изрытому берегу озера, кажется какой-то гигантской стройкой. Одна его часть — круглая площадь с широкими радиусами дорог — уже закончена, спланирована, заасфальтирована; крепкие старинные постройки—дворцы времен Екатерины, дом, где губернаторствовал поэт Державин, неизменные желтый и белый цвета русской архитектурной классики—вкраплены в железобетон, высоту и легкость больших зданий нашего советского времени. И эта комбинация старинного с новейшим кажется здесь органической и очень простой, словно, создавая ее, ни город, ни архитекторы и не задумывались над тем, как «увязать целое», сделать ансамбль, а он сам сделался. Другая часть города, поближе к озеру, на первый взгляд представляется чем-то развороченным и не прибранным после войны: огромная ямина, вернее, впадина, — но тут, оказывается, стадион, обсаженный скудными деревами; за ним — взлет черных каркасов, труб, переплетение проводов и мачт — заводы и порт. Земля открыта, не замощена, не заасфальтирована; ветер носит тучи песка; вдоль берега ходят рыбачьи лодки; в воде видны колышки и всякие приспособления для рыбного лова,—и тут же корпуса заводских построек. И эта помесь старинного рыбацкого поселка с быстро растущим промышленным центром принимается глазом, как нечто очень естественное и необходимое. И, наконец, улицы, просто улицы, где иные жилые дома — это сколоченные из крепкого леса срубы, посеревшие от времени; и рядом с ними изящные, тоже деревянные, новые постройки, а вокруг садики, мостки тротуаров и бугристая широкая, неровная улица, словно проселочная дорога. Весь город, раскиданный, как попало, строившийся без плана, сейчас перепланировывается, и очертания того, чем будет Петрозаводск, уже начинают проступать все явственнее, все более четко.

Человеку, который приехал сюда впервые, нельзя не отметить здешнего воздуха; легкие замечают этот воздух, сердце замечает, нос замечает, покуда, надышавшись, вы скажете: а ведь тут курорт! В Москве иногда весною доходит до вас дыханье липы в цвету, чуть приторный, но приятный запах, сразу переносящий память в раннее детство; это очень редко в Москве, — городской воздух глушит его. Но в Петрозаводске запах земли, травы и дерева не исчезает. Вы берете тут первый урок глубокого дыханья, первый, потому что позднее, когда вы отправитесь в путешествие по самой стране, глубоко дышать станет важнейшей для вас функцией восприятия окружающего и, во всяком случае, не менее важной, чем охватывать окружающее глазами, ловить его слухом. Замечателен и неповторим здешний воздух.

Перед тем как тронуться в путешествие, мы поднялись по деревянной лесенке и зашли в деревянный домик навестить наших друзей-писателей. Они вернулись из далекой поездки, вернее, странствия. Было по их лицам, сухим, красным, блестящим от солнца и ветра, по их волнению видно, что странствие необычное. Они и пешком пробирались через глухие леса, и на узкой лодчонке плыли из озера в озеро, перетаскивая ее волоком, и костры жгли, и с медведем встретились, и даже царственного сохатого видели: он спокойно плыл со своей супругой по тому же безлюдному, безыменному лесному озеру, по которому скользила их лодка. При виде людей сохатый не испугался, только заплыл вперед, чтобы между его лосихой и людьми защитой было его могучее тело.

Путь этих смельчаков (в группе были писатели — Антти Тимонен, Николай Якола, Александр Гитович, Николай Клименко) лежал в самую глубь Калевальского района, в один из колхозов на севере республики. А целью поездки было проследить дорогу последнего исследователя района, прошедшего по следам Леннрота, и в свою очередь пройти уже по его собственным следам, найти новых сказителей рун, записать эти руны.

А главное — сравнить старую, страшную быль далекого времени, когда мужественный и трудолюбивый народ в тягчайших условиях суровой глухомани, бездорожья, одиночества, часто питаясь одной сосновой корой, прозябал на земле и складывал песни про мельницу-самомолку — волшебную «Сампо», что приносит народу довольство и счастье... Сравнить ее, эту старую быль, с современной советской былью, с колхозами, где действуют десятки колхозных мельниц, со школами, где учатся внуки былых неграмотных сказительниц, а учительствуют дети их; с огородами, куда продвинулись мичуринские сорта овощей, ягод, яблок, неведомых здесь раньше; с тучными лугами, где бродят колхозные стада.

Писатели, как говорится на нашем суконном ведомственном языке, привезли действительно «богатейший материал» в подарок юбилею республики. Привезли они и последнюю памятку ушедшей старины: ветки дожившей век сосны, под которою много раз сиживал Элиас Леннрот и записывал руны, — сосна упала в этом году, и писатели отломали на память ее сухие веточки.

Мне и поэту Гуттари предстояло тоже постранствовать по республике, но мы ехали не на север, а на запад. Наслушавшись рассказов, я жадно развернула карту, — какая она, республика? Вытянутое в длину, извилистое очертание; зеленое с голубым: зеленое—это леса и леса; голубое — это озера, множество озер. И жилки, множество жилок, как на хорошем куске уральской яшмы, — это реки, речки, речушки.

Нет выше наслаждения у человека, чем познавать еще не познанное, видеть еще не виденное, создавать еще не созданное, — и кажется, нет легче и лучше того короткого сна перед ранним вставаньем, которым ты засыпаешь, зная, что завтра ехать.

2. От Онеги до Ладоги

Переход из бассейна Онежского озера в бассейн Ладожского очень интересен и очень резок. Вы меняете два разных пейзажа, хотя оставляете за собой не так уж много километров. Не меняется только дорога, и о дороге хочется прежде всего сказать доброе слово. Здесь мы столкнулись с большой советской культурой.

Великое это дело, когда дорога разговаривает с путником, разговаривает не только двумя своими сторонами, которые она, как страницы книги, раскрывает перед вами, но и своею собственной, дорожной, жизнью. Карельские дороги говорили с нами. Они аккуратно указывали нам пройденные километры. При в'езде и выезде из каждой деревни они называли нам ее; они перед мостом позволяли нам прочитать название реки. И мы читали раскрытую перед нами книгу с помощью «указательного пальчика» дороги, любовно водившего нас от строки к строке. Хорошо, если бы культуру дорог этих карельских районов переняли и другие районы и другие республики и чтоб привилась она у нас повсеместно. Невольно вспоминались нам чудесные шоссе Черниговщины — с их выхоленным придорожьем, скамейками, мозаикой, клумбами в местах остановки для путников, какими были они до войны...

Первый районный центр, Пряжа, мимо которого мы проехали, прошел перед нами во всем своеобразии своей северной красоты: между двумя озерами, в окаймлении зеленых перелесков, холмов и долин с малиновыми россыпями «иван-чая», цветущего здесь в середине лета с неистовой щедростью, — он буквально заливает поляны Карелии красным цветом. За Пряжей волнистая линия горизонта начала выравниваться, и мы спустились на необ'ятную, ровную и плоскую олонецкую равнину — житницу Карело-Финской республики.

Алый цвет уступил место желтому, надвинулись золотые хлебные поля. Пышно цвели в июле ранние сорта картофеля (не забудем, что это — на 62-й параллели, а северная точка республики, можно сказать, «в двух шагах» от полюса!). Житницей олонецкая равнина стала при советской власти. Раньше тут было сплошное болото. В далекие времена, отступая из олонецкой низины, Ладожское озеро как бы оставило ей в наследство неусыхающую влагу. Несколько лет назад карельские большевики осушили это болото, и земля оказалась необычайно плодородной.

За городом Олонцом можно увидеть богатые колхозы, они тянутся почти непрерывною цепью характерных карельских домов. Колхозные дома лепятся по берегу реки Олонки и отражаются в прозрачных и необыкновенно чистых ее водах вместе с голубым небом и сизо-белыми, плотными облаками, отражаются с такою отчетливостью, что ты отличить не можешь отражение от реальности. Олонка петляет вдоль берегов, а вместе с нею петляют домики, и за ними необ'ятные золотые просторы пшеницы, ржи, ячменя.

Сколько сокрыто в одном имени «Олонец», которое здесь по-северному произносят на «о» и с ударением на первом слоге...

Север, вы его чувствуете в исторических названиях и памятниках эпохи Петра, остатках его старых заводов. Север — в постоянном, приходящем вам неизменно в голову сходстве с Уралом и Сибирью: береза, хвоя, можжевельник, кустики вереска, гранит, затянутый бархатом мхов, и озера, озера, озера. А какая жизнь на этом Севере, какое могучее, животворное дыхание земли, — даже в субтропиках нет такой полноты земных запахов. Окунувшись в них, я поняла, что и Петрозаводск, который мне раньше показался курортом, — не курорт, а город, что дышать в нем нечем по сравнению с воздухом районов. И мы стали различать составные части этого густого благовонного воздуха. Все в нем сплелось: клейкий и терпкий запах березового листа, смолистый дух сосны, бальзам сена, дыхание можжевельника, брусники, белого гриба, перегноя, древесины, — да нет, не передать его, можно лишь молча впитывать в себя его животворную, целящую силу.

(Продолжение на 4-й стр.)

Лев СЛАВИН

Братья-поджигатели

Двадцать первого сентября во дворце Шайо в Париже открылась третья сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Мы не сомневаемся в том, что среди многих вопросов, стоящих на повестке дня, одно из важнейших мест займет вопрос о том, как выполняется единодушно одобренное всеми участниками прошлой сессии решение о запрете устной и печатной пропаганды новой войны.

С чем же явились в Париж делегаты США, также подавшие свои голоса за это решение? Перед нами один из последних номеров американского еженедельника «Сатердей ивнинг пост». И в нем статья, крикливо озаглавленная: «Если наступит война». Впрочем, уже в следующей строке стыдливое речение «если» бесследно исчезает, и подзаголовок выражается с категорической безусловностью: «Это — план войны» — с последующей оговоркой: «разработанный в надежде, что он обеспечит мир».

В дальнейшем будет видно, как «обеспечивает мир» эта разнузданная людоедская пропаганда войны.

Авторы статьи — американские журналисты братья Олсоп. Известность их зиждется не на моральной и интеллектуальной высоте принципов, не на блеске литературной формы. Это известность несколько другого порядка, скорей уголовного. Если бы в Соединенных Штатах соблюдалось постановление Генеральной Ассамблеи Организации Об'единенных Наций о судебной ответственности за подстрекательство к войне, братья Олсоп давно сидели бы на скамье подсудимых, как злостные профессиональные поджигатели войны.

Было время, когда Джозеф Олсоп, окончив Гарвардский университет и получив степень баккалавра искусств, писал хоть и тусклые, но более или менее достоверные очерки о быте и нравах американской столицы. После войны, когда его боевая деятельность ограничилась тем, что он сдался в плен японцам, Джозеф Олсоп вернулся в журналистику в другом качестве. Прихватив своего братца Стюарта, Джозеф Олсоп специализировался на антисоветской клевете и пропаганде новой мировой войны. Призывы к убийству нынче в Америке в большом спросе. Деньги, как известно, не пахнут, равно как не краснеет глянцовитая бумага, на которой печатается журнал «Сатердей ивнинг пост». И баккалавр искусств стал писать на военные темы, рассматривая, повидимому, свое двухлетнее пребывание в плену, как законченное военное образование.

С упорством рецидивистов братья Олсоп в течение ряда лет занимаются клеветнической деятельностью, не затрудняя себя при этом особой тонкостью выдумки. Нет, это примитивное злобное вранье.

Нужды нет, что все их идиотские клеветнические измышления немедленно разоблачались. Баккалавр и его брат врут вопреки фактам, наперекор очевидности.

Последний литературный разбой, который братья Олсоп учинили на этих днях, превосходит всю их предыдущую мракобесную деятельность. На сей раз это не унылая будничная брань, а прямое преступление. Не приходится удивляться гостеприимству «Сатердей ивнинг пост». Мы помним номер этого журнала, где была в разгаре войны помещена статья «Внутри немецкой Европы», оправдывавшая захват Норвегии и обелявшая предателя Квислинга. Как свидетельствует Д. Сельдес в книге «Тысяча американцев», журнал этот, «который, начиная с 20-х годов, восхваляя Муссолини, Детердинга, Гуго Стиннеса, Ивара Крейгера и многих фашистов, был явно на стороне Гитлера и в 40-х годах».

Клеветническое красноречие братьев Олсоп предназначено, главным образом, для внутреннего употребления. Сейчас политическая жизнь США окрашена приближающейся датой президентских выборов. Бриками об угрозе войны, фантастическими картинами ее ужасов, усилением клеветнической антисоветской кампании правящие реакционные круги США пытаются отвлечь внимание нищающего американского народа от все растущих трудностей жизни и от провалов американской внешней политики.

Отсюда усиливающийся накал военной истерики, отсюда возрождение погромной гитлеровской терминологии вплоть до рокового для всех поджигателей войны слова «блицкриг». Отсюда пристальное внимание к причинам краха Гитлера.

Описывая разногласия между вдохновителями американского агрессивного плана, братья Олсоп приводят циничную дискуссию между ними о том, какие об'екты следует предпочесть для грядущих атак, «чтобы избежать ошибок, которые делал Гитлер».

В этой отвратительной географии убийц значатся Япония, Исландия, Западная Европа, Триполитания, Суэц, арабские государства, Китай и прочие заморские базы, с которых американцы могут, по утверждению братьев-поджигателей, «наносить удары по противнику абсолютным оружием в ходе решительного возмездия»...

Но о каком возмездии говорят эти распоясавшиеся бандиты пера? О возмездии кому и за что?

План Маршалла,—откровенничают братья Олсоп,—представляет собой лишь первую фазу в создании предложенного Липпманом «атлантического союза», второй фазой которого будут мероприятия стратегического характера. Таким образом, поношенные штаны, купальные чепчики, соусы и низкопробные продукты, которые западноевропейские страны по плану Маршалла приобретают втридорога за доллары, это только прелюдия к обширным военным приготовлениям США в Европе, представляющим собой, по формулировке братьев Олсоп, «политико-стратегическое дополнение к политико-экономическому плану Маршалла».

Уставшие от своих грозных телодвижений, никого, впрочем, не напугавших, братья Олсоп в заключение лепечут изнеможенными голосами о своей любви к миру. Разрушительные планы американских агрессоров являются, видите ли, «планами мира». Но еще с кровавых времен Гитлера известен этот прием политического шантажа: слово «мир» является благозвучным псевдонимом грубого понятия «война».

Хороши миролюбцы, которые увеличивают военные расходы до 46 процентов государственного бюджета 1948 года, одновременно снижая расходы на просвещение до 1 процента — в стране, где 10 миллионов граждан неграмотны, где в штате Луизиана 36 процентов населения не умеет читать.

Но от роста просвещения американскому монополистическому капиталу нет никакой прибыли! Тогда как «расходы на вооружение, — пишет нью-йоркская финансовая газета «Бюллетень Нейшнэл Сити Бенк» в статье с ликующим названием «Вооружение поддерживает деловую жизнь», — являются дополнительными аргументами для успокоения тех, кто боялся падения делового оживления...»

Вот где происхождение неимоверно раздутой американской программы вооружения, вот где истоки хулиганской воинственности братьев Олсоп и их грязного клеветнического вдохновения!

Вероятно, делегаты США, всходя на трибуну Генеральной Ассамблеи ООН, будут уверять общественность в своей приверженности идеям мира.

Однако как это согласовать с той непрекращающейся зычной и разнузданной пропагандой новой войны, которая попрежнему и невозбранно ведется в США, о чем ярко свидетельствует, в частности, и деятельность братьев Олсоп?

Такое двойственное отношение к одному и тому же явлению в обыденной жизни называется чудовищным лицемерием, а на точном языке юристов — преступным попустительством.

Во дворце Шайо

ОТКРЫТИЕ ТРЕТЬЕЙ СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

Сегодня, в три часа дня, в Пале де Шайо, где в 1938 году была экспонирована Международная выставка, открылась третья сессия Генеральной Ассамблеи Организации Об'единенных Наций. Зал заседания переполнен делегатами, многочисленными представителями прессы, наблюдателями и гостями.

Как всегда, советская делегация привлекает всеобщее внимание. Кинооператоры и фотографы то и дело «атакуют» главу делегации СССР А. Я. Вышинского.

Временный председатель министр иностранных дел Аргентины Брамуглия открыл заседание сессии.

Приветственная речь президента Французской республики Венсан Ориоля и вступительное слово Брамуглия не вызвали какого-либо оживления в зале. Это были формальные, сугубо протокольного характера речи.

Речью Трюгве Ли, посвященной памяти графа Бернадотта, убитого в Палестине, завершилась первая часть заседания.

А тем временем за кулисами заключались первые сделки буржуазных дипломатических и политических группировок в отношении кандидатуры председателя Ассамблеи. С австралийцем Эваттом конкурировал Брамуглия. Однако сделка совершилась в пользу ревностного адвоката англо-американского блока австралийца Эватта, который незначительным большинством (31 голос из 58) был избран председателем Генеральной Ассамблеи.

В зале знакомые лица — Маршалл, Бевин, лидеры так называемого механического большинства; бельгиец Спаак, аргентинец Арсе, филиппинский крикун Вомуло и другие, прославившиеся на прошлогодней сессии своим холуйским прислужничеством англо-американскому блоку.

В составе американской делегации небезызвестный поджигатель войны Джон Фостер Даллес, контрагент Уолл-стрита и кандидата в президенты США от республиканской партии Дьюи. «Даллес, — писала на-днях американская газета «Нью-Йорк таймс», — будет представлять на Ассамблее не столько нынешнее официальное правительство США, сколько руководящие круги республиканской партии и лично Дьюи», с которым, по словам газеты, Даллес поддерживает секретную шифрованную переписку из Парижа. Трудно после этого сказать, кто будет командовать американской делегацией на нынешней Ассамблее — Трумэн и Маршалл или Даллес и Дьюи.

Среди делегатов славянских стран, помимо представителей СССР, Украины и Белоруссии, мы видим Клементиса, министра иностранных дел Чехословакии, Модзелевского, главу делегации Польши, и других. Делегации стран новой демократии во главе с Советским Союзом неизменно и последовательно отстаивают в Организации Об'единенных Наций дело мира и безопасности народов. К их голосам и на этот раз будут прислушиваться с надеждой миллионы простых людей.

Первое заседание Генеральной Ассамблеи закончилось вечером после избрания председателей шести главных комитетов Ассамблеи. Завтра откроются общие прения по докладу генерального секретаря Трюгве Ли.

Г. ПЕТРОВ

ПАРИЖ, 21 сентября. (По телеграфу)

В несколько строк

◆ Известный драматический театр, существующий на родине Шекспира — в Стратфорде на Эвоне и ставящий его пьесы, понес в течение года убыток в восемь с лишним тысяч фунтов стерлингов вследствие плохой посещаемости.

◆ За мошенничество, кражи, растраты, лжесвидетельство и другие преступления предаются суду 15 членов японского парламента, принадлежащих к реакционным партиям.

Корней ЧУКОВСКИЙ

Растление детских душ

1.

Полицейский сыщик стал богом и начал творить чудеса.

Об этом я впервые узнал из журнала, издающегося в Нью-Йорке для детей и подростков. Журнал так и называется — «Сверхчеловек» («Superman»). Каждый его номер от первой до последней страницы посвящен описанию чудес, совершаемых этим новоявленным богом.

Вот он ловит в океане большого кита и подбрасывает его вверх, словно окуня. Вот он шествует по воде, как по суше. Вот он парит в облаках над землею без всяких самолетов и воздушных шаров. Ему ничего не стоит перепрыгнуть через небоскреб. Снаряды крупнейших орудий отскакивают от него, как горошины.

Как и подобает божествам всех религий, он спустился на землю прямо с небес. Родившись на дальней звезде, на планете Криптон, он прибыл оттуда в Соединенные Штаты, ибо его родная планета, в полном соответствии с новейшими американскими модами, оказалась атомной бомбой, ежеминутно готовой взорваться.

Работает это сошедшее с небес божество в тесном контакте с нью-йоркской полицией: для того оно и послано в мир. Знаешь заранее, что всякий раз, как в номере журнала этот всемогущий титан совершит с полдесятка своих сверхчеловеческих подвигов — взвалит себе на плечи десятитонный автобус или перенесет на далекую улицу дюжину трехэтажных домов, — на последней странице появится добродетельный «коп» (полицейский) со своей резиновой дубинкой и соберет богатейшую жатву со всех его мистических деяний.

Зовут сверхчеловека Кларк Кент, и он далеко не единственный сыщик, наделенный качествами всемогущего бога. Предо мною книжки журнала «Бэтман», в которых уже несколько лет прославляется такой же богоподобный полицейский агент, по имени Брус Уэйн.

Судя по этим журналам, бандитизм в заокеанской республике принял такие размеры, что только чудотворцы, сошедшие с неба, могут вести с ним борьбу.

В каждой книжке из месяца в месяц— новые и новые уголовные подвиги бесчисленных налетчиков, гангстеров, взломщиков несгораемых касс, фальшивомонетчиков, грабителей, профессиональных убийц.

На каждой улице, на каждом углу, у каждого газетчика, в каждом киоске — по самой дешевой цене, по 5 и по 10 центов — ребенку ежедневно навязываются эти кровавые книжки, которые по какой-то зловещей игре языка носят в Америке название «комикс». На детей и подростков обрушиваются непрерывной лавиной и «Дитектив комикс», и «Адвенчур комикс», и «Сенсешн комикс», и «Олл-америкен комикс», — **всего двести пятьдесят детских журналов** с ежемесячным многомиллионным тиражом.

В этих журналах только и делают, что режут, кромсают, расстреливают, душат, отравляют, калечат и топят людей, сбрасывают их на всем ходу с поездов, с самолетов, или тащат в тюрьму, на электрический стул.

Во всех этих многомиллионных изданиях моральная основа одна: человек человеку — зверь. Единственное их содержание: охота людей за людьми. Самозабвение ловли и травли, упоение погони и облавы — в этот хищнический, звериный азарт взрослые усердно вовлекают детей.

И это им вполне удается, тем более, что литературная форма всех «комикс» очень ловко приноровлена к детскому возрасту: изложение ведется при помощи одного только чередования картин, снабженных минимальным количеством текста; фабула, при всей своей идиотической пошлости, насыщена максимальной динамикой.

Теперь уже невозможно представить себе американского ребенка без «комикс». Защитить малышей в Америке от этого колоссального зла более чем затруднительно: слишком уж большие доходы приносит оно издательским трестам.

Одно только издательство «Нейшнэл комикс» издает 29 (двадцать девять!) подобных журналов: «Зеленый фонарь», «Чудо-женщина», «Западные комикс», «Лучшие в мире комикс» и т. д. и т. д. Барыши этой фирмы громадны.

2.

Наивными кажутся те времена, когда в том же Нью-Йорке лет сорок назад какой-то захудалый издатель печатал из месяца в месяц безграмотный вздор о похождениях двух полицейских агентов Ника Картера и Ната Пинкертона.

Все их похождения сводились к тому, что револьверными выстрелами они каждый день убивали не меньше двадцати человек. Кроме ежедневного проломления чужих черепов, ничего и не требовалось от этих старинных героев американского юношества. Они нисколько не притязали на то, чтобы в них видели сверхчеловеков, слетевших с небес в полицейский участок. В чудотворцы они тоже не лезли.

Теперь же их беехитростная револьверная практика отодвинулась в далекое прошлое. Существо дела осталось, конечно, незыблемым: массовое растление детей, насильственное прививание им зверских инстинктов; но за последние годы эпидемия стала стихийной, интенсивность ее губительных ядов увеличилась в тысячу раз.

Простое воровство, заурядный грабеж уже не пользуются в этих книжках кредитом. Американские издатели превратились в гурманов: подавай им такие злодейства, каких еще никогда не бывало, — самые изысканные, самые вычурные. Методы прежних воров и убийц кажутся им устарелой кустарщиной.

И вот нынешние сочинители кровавых новелл для детей тратят всю свою мозговую энергию, чтобы выдумать новые, свежие, еще никому не известные, еще никем не использованные приемы убийств, грабежей и мошенничеств.

Ради этой уголовной эксцентрики бандитизм в кровавых журналах и книжках все чаще использует сверхсовременные достижения науки — физики, механики, химии.

Недаром все чаще и чаще в качестве самых от'явленных гангстеров фигурируют здесь профессоры и научные деятели.

Судя по бесчисленным «комикс», в США наука и техника тоже находятся на службе у бандитов.

На вершине небоскреба, среди телевизоров, радаров и пр., сидит в своей лаборатории всевидящий Глаз, атаман могучего треста налетчиков, и с помощью великолепных новинок науки грабит жителей двух континентов.

А в последнем номере «Бэтмана» изображается шайка злодеев, именующих себя «Бандитами Будущего». Они совершают свои грабежи при помощи металлических «роботов», управляемых приборами новейшей конструкции. Они разрушают огромные здания при посредстве автоматических стенобитных орудий, управляемых издали радиоволнами. Когда полиция пытается преследовать их, они вздымают на своем автомобиле пропеллер и на этом геликоптере поднимаются ввысь.

Их воровской жаргон изобилует научными терминами.

Такое гитлеровское сочетание науки и подлости давно уже стало обычным явлением в американской литературе для детей и подростков.

Конечно, среди передовых педагогов Америки неоднократно раздаются протесты против этого развращения детей культом бандитизма и сыска. Передовые педагоги с тоскою указывают, что американские школьники нынче читают не Марка Твэна, не Диккенса, а «Приключения женщины-кошки», ворующей бриллианты при помощи снотворного газа, и «Похождения Пингвина», знаменитого вора, совершающего свои налеты и кражи исключительно при помощи птиц. Педагоги жалуются, что издающиеся ныне в Америке талантливые, художественно ценные книги захлестываются, словно островки в океане, этими кровавыми «комикс». Конкуренция с «комикс» немыслима: издающие их газетно-журнальные тресты тратят несметные доллары на их рекламирование.

О том, что за доллары здесь можно купить даже совесть, свидетельствует, между прочим, об'явление, печатаемое крупными буквами в каждом номере «Бэтмена», «Экшн комикс», «Флэш комикс» и пр., и рекламирующее «идейных руководителей» этих кровавых журналов. В первых строках читаем:

«РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: Доктор **Лоретта Бендер**, профессор психиатрии. — **Джозетта Фрэнк**, консультантка по вопросам детского чтения. — Доктор **Сонз**, профессор педагогики. — Доктор **Харкурт Пиппэрд**, член Бюро воспитания детей».

Здесь перед нами еще один, и притом самый наглядный, пример тесного союза бандитизма с буржуазной наукой!

В лице этих психиатров, профессоров педагогики, специалистов по детскому чтению современная наука Америки не только санкционирует, но и направляет массовое растление детей, совершаемое изо дня в день непрерывным потоком сыщицко-бандитских изданий.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПОЧТЫ

Мадригал полицейской дубине

Недавно в Мадриде было отмечено такое событие, как шестая годовщина пребывания начальника фалангистской полиции на своем посту. Газета «Арриба» поместила по этому поводу статью искусствоведа Эухенио Д'Орс, в которой автор выражает восхищение литературными качествами «Инструкций, выпущенных администрацией полицейского корпуса». Подчеркивая в начале статьи, что слово «полиция» равносильно понятию «цивилизация», фашистский «эстет» дает восхищенный отзыв о самых инструкциях, вышедших в роскошном издании и с посвящением «самому» Франко.

«Эти инструкции (начальника полиции) написаны с таким изяществом, с такой классической грацией, — изливает душу пресмыкающийся перед фалангистами «эстет», — в обвинения вложено столько таланта, а в угрозы столько рыцарского внимания, что этот труд можно почесть образцом нравоучительной литературы».

Как тут не вспомнить разящих слов щедринского персонажа: «Я сказал, и почувствовал, как от языка моего завоняло».

МЕЖПАРТИЙНЫЙ ПЕРМАНЕНТ

Лейбористская партия недавно проводила в городе Кингсуинфорд (Англия) «конкурс красавицы», на котором была избрана «социалистическая королева красоты». Выбор пал на девицу, отец которой, как выяснилось позднее, является членом консервативной партии. Однако, как сообщает газета «Нью-Йорк пост», «галантные лейбористы, несмотря на столь явный конфуз, рыцарски предоставили ей причитавшийся приз» — завивку-перманент за счет лейбористской партии.

У нас на севере

Карело-финский дневник

(Продолжение. Начало на 3-й стр.)

Передовой колхоз «Искра», передовой колхоз «Заря». Своя деревянная электростанция (дерево всюду, и оно здесь добротнее камня!). Мельница — словно из сказки — и белый, опушонный мучной пылью богатырь, сидя на завалинке, следит за струйками ячменной муки, льющейся из отверстия. Паром через речку, которым смело правит восьмилетняя белокурая девочка. Цветущий опытный сад с кизюринскими яблоками, «десертной» рябиной, помидором, мичуринской смородиной и кудрявым старым дедом-карелом, заботливо ухаживающим за своим садом. Пытливо всматриваясь в нас, он расспрашивает о знаменитом мичуринце М. А. Лисавенко, чей сад расположен на тысячи километров отсюда, высоко в горах, но тоже на суровом севере. Спросив «адресок» Лисавенко, он дрожащей, черной от земли рукою набрасывает его в смятый блокнот, чтоб послать незнакомому, но родному другу (все опытники-мичуринцы—родные друзья) письмо о своих работах и вопросы, множество вопросов, о работе другого опытника.

И опять двигается машина, летит лента дороги, меняются картины вокруг. Но глаз схватывает только картины, а под ними—годы упорной большевистской борьбы, терпения, воспитания людей, одоления суровой природы.

Сейчас в Олонецком районе (где, кстати сказать, секретарь райкома — женщина, образованный агроном, тов. Черпецова) — 47 школ, 5 больниц, со своим рентгеновским кабинетом, 18 сельских библиотек (одна городская) и свой национальный карело-финский театр республиканского значения.

Машина набирает скорость, и вот уже чистые струи Олонки с опрокинутыми в них небом и домиками уходят в сторону. Олонецкая равнина отступает. Дорога снова «вписывается» в гористый рельеф, и мы несемся к синим, неописуемо прекрасным водам огромного Ладожского озера, сверкающего нам навстречу между красными стволами сосен.

Столбик с дощечкой называет нам историческое имя. Надо скорее воздвигнуть здесь памятник, поставить мемориальную доску с изложением исторических событий. А пока тут еще следы войны, густая проволока опутывает своими колючками прибрежные кусты, на песке можно найти нерасстрелянные патроны.

3. Северный берег Ладоги

В Карело-Финской республике промышленность тесно соседствует с сельским хозяйством. Это здесь отражается на самом облике земли. Но, кажется, нигде не заметишь этого так, как на северном побережье Ладожского озера — самого живописного уголка республики.

Берег озера изрезан, он делает петли, заводи, врезывается в озеро лесистым мыском; ни один километр его не похож на другой. А в самом озере, кипящем под солнцем невыносимым для глаза сверканием синевы, то там, то сям разбросаны островки, тоже не похожие друг на друга ни размером, ни очертанием, ни рельефом. Одни высятся подобием средневекового замка из мшистого камня; другие встают из воды круглым зеленым пятачком, сплошь покрытым кудрявым кустарником; третьи лежат спокойной маленькой обителью, где есть в миниатюре и луга, и леса, и скалы.

Ключ соседства промышленности с сельским хозяйством — карельский лес. Он не только сам по себе драгоценен, как сырье для основной промышленности Карелии — производства целлюлозы и бумаги. Он — и охрана земли и ее плодородия, он и собиратель и конденсатор влаги. Лес отвоевал землю у камня, у гранитных массивов, лес не дает высохнуть рекам и речкам, он — условие и гарантия успешного развития сельского хозяйства. Республика борется одновременно и за развертывание промышленности и за под'ем молочного хозяйства.

Целлюлозный завод Питкяранта встает возле воды, которая нужна ему, завод встает в окружении леса, которому тоже нужна вода, и в окружении дивных, медоносных пастбищ, которым нужен лес. Места, где расположены две промышленные группы — Питкяранта и Ляскаля, не схожи, и потому не схожи архитектурно и сами заводы. Ляскаля— в узком ущелье, постройки здесь сжаты, вытянуты в высоту, сгруппированы тесно и напоминают замок над искусственным рвом. Питкяранта же раскинулась шире; архитектурная группа красиво и органично встает над озером, а вокруг — обдуманные детали, выдержанные в общем стиле, — подсобные, бытовые здания, киоски, дороги, тротуары, мостики, жилые дома. Все это — легкое и изящное, связанное с линиями холмов и перелесков, гармонично разбегается от завода (или сбегается к нему) вместе с волнистой графикой пейзажа, не вступая нигде в разлад с природой.

4. Питкяранта

Здесь, в Питкяранте, мы остановились прочно. Прошли по заводским цехам, посмотрели производство целлюлозы, побеседовали с людьми, выслушали директора—уральца Н. Л. Леонтьева, и заместителя главного инженера Н. А. Струнникова.

Почти у всех наших заводов после войны одна главная черта — идет производство и одновременно идет строительство: восстанавливают, ремонтируют, достраивают, расширяют. И порой производственные процессы упираются в лимитирующие, останавливающие, задерживающие медлительные темпы иных строителей. В Питкяранте мы столкнулись с тем же явлением. Должно быть, «икается» строительно-монтажному управлению № 7 — часто поминают его здесь и отнюдь не добром. Отсутствуют нужные механизмы, нет механизированной углеподачи. И это рядом с высокой техникой производства в цехах; рядом с новым отбелочным цехом, заканчиваемым к 31-й годовщине Октября, рядом с цехом, который здесь сравнивают с «храмом» или с «больницей»: белый, высокий, полный света и воздуха, цех действительно похож на внутренность храма, — в нем будут делать качественную бумагу.

Но главные трудности и неувязки не в этом. Питкяранту лихорадит от сложного перехода к новым условиям работы, для которых завод не был подготовлен. Раньше изготовление сырья, то-есть работа в лесу, работа лесозавода, была сложнее; а поэтому технология переработки сырья была легче и проще, и Питкяранта была приспособлена к этой легкости и простоте. Иными словами, уже в лесу, на месте заготовки, двухметровые бревна подвергались так называемой окорке, то-есть их очищали от коры, и в таком очищенном виде шли на целлюлозный завод. Но сейчас лесозавод посылает в Питкяранту бревна в коре, это усложняет производство, и бумага получается грубая.

— Старого ломать не могу, новое должен приделывать к старому — вот в чем беда, — говорит Н. Л. Леонтьев, — триста рабочих заняты окоркой, а могли бы справиться тридцать.

Очень вредит Питкяранте одно обстоятельство, которым не мешало бы серьезно заинтересоваться. Здесь крупнейший промышленный участок северного побережья, здесь и жилищный поселок не мал, и народ лепится к заводу — молодежь, семейные. Но этот крупный промышленный центр не является районным центром, хотя, казалось бы, естественно должен стать им. Районный центр находится... в 27 километрах от завода, в Импилахти. Надо отчетливо представить себе здешнюю картину, чтобы понять все значение такого расстояния. Как часто нужно обращаться в районный центр, сколько вопросов возникает ежедневно, ежечасно, решаемых и согласуемых с райкомом, райисполкомом! А тут — попробуй, одолей расстояние! В бытовом отношении это тоже чувствительно для жителей: нет, например, здесь универмага. Нет и фуражного магазина, и для рабочих, имеющих коров, это очень тяжело. Отсюда и недостаточность квалифицированной силы, подчас отпугиваемой и плохим снабжением, и отдаленностью районного центра.

Нужно учесть законные пожелания населения, и тогда легче станет заводу справиться и с трудностями освоения, и с выполнением программы...

Закат обливает озеро оранжево-зеленым светом. Пали росы, и лесной запах, запах прели и мха, стал сильнее лугового. Машина мчится на городские огни.

5. Возвращение

Обратно мы ехали уже другой, северной дорогой, — мимо большого районного центра — Ведлозеро. Как в Олонце, так и здесь, в Ведлозере, пережили мы с наибольшей силой животворное советское чувство счастья от видимых, осязаемых итогов большой работы, проделанной в республике за 25 лет ее существования. Казалось бы, глуховатое место Ведлозеро, в стороне от железной дороги, почти на воде, — так тесно надвинулось оно своими домами на светлые воды разлившегося здесь множеством рукавов озера. Но вместо ожидаемой глухомани — оживленный и культурный центр с веселой, живой молодежью, с хорошими стариками—патриотами родного селения, со школой-десятилеткой, где в составе преподавателей есть доценты, с большим зданием клуба, где каждый вечер местные жители могут смотреть кино и где неплохая библиотека, и где мы застали в читальном зале девушек, углубившихся в газеты. На полках — около девяти тысяч книг. Только недавно вышел в Киеве красивый том «Избранного» Павло Тычины. Как сердечно обрадовался бы замечательный поэт, увидя свой том здесь в руках белокурой, серьезной девушки.

Так осуществляется у нас славная сталинская дружба народов — на севере и юге, на востоке и западе великой нашей страны.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 02678.